

Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века

В. Бартольд

...Географам древности не были известны ни Аральское море, в которое, без сомнения, уже тогда впадал Яксарт и по крайней мере часть Окса, ни степное плато Устюрт, которое даже независимо от Аральского моря должно было преградить Яксарту путь к Каспийскому морю...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, так называемую проблему Окса — Амударьи и Арала, — которой посвящена настоящая работа, вышедшая на русском языке еще в 1902 г., многократно объявляли окончательно решенной. Возвращение к подобной проблеме может оправдаться только в том случае, если будет привлечен не использованный до сих пор материал источников и если этот материал будет иметь решающее значение для ответа на соответствующие вопросы. В данном случае можно еще добавить, что, пожалуй, ни в одной проблеме судьбы научной географии вообще не отражаются так отчетливо, как в этой.

Недостаточность греческой науки обнаруживается здесь особенно отчетливо. Почти два столетия греческие наместники и правители царствовали на Оксе; на Каспийском море греческое владычество было менее продолжительным, но и за это время была снаряжена особая экспедиция для исследования моря, и все-таки грекам оставались неизвестными как устья Окса, так и география восточного берега Каспийского моря. Окс и Яксарт считались притоками Каспийского моря; расстояние между обеими реками в среднем течении, установленное уже во времена Александра, было перенесено на их устья. Географам древности не были известны ни Аральское море, в которое, без сомнения, уже тогда впадал Яксарт и по крайней мере часть Окса, ни степное плато Устюрт, которое даже независимо от Аральского моря должно было преградить Яксарту путь к Каспийскому морю. В таком виде известия о Каспийском море и его мнимых притоках были включены в труд Птолемея, в котором греческая география достигла своей вершины и который еще полтора тысячелетия спустя считался высшим авторитетом в вопросах географии.

Еще в XVII веке "некоторые добрые друзья в университетах" упрекали честного Олеария, "почему он при составлении географической карты Персии и особенно Каспийского моря отошел от всемирно известных древних географов — Птолемея, Страбона, Дионисия, Александра и других".

Когда арабы переняли культурную работу, прерванную в Европе, то в основу арабской географии был также положен труд Птолемея; однако, вероятно, ни в одной области арабы не превзошли своих греческих учителей так быстро и так основательно, как в этой. В первой половине IX века н.э. этот греческий фундаментальный труд впервые был переведен на арабский; арабские географы этого столетия сохраняли еще некоторые ошибочные сведения своих греческих источников, среди них сообщение о впадении Окса в Каспийское море. Но уже географам X века мы обязаны тщательно разработанным, почти свободным от привнесенных географических ошибок описанием всех стран ислама от Пиренеев до Китая и Индии — достижением, которым может гордиться любой культурный народ и рядом с которым научная география греко-македонской и римской мировых держав не может поставить ничего равноценного. Значение этого достижения для проблем географии до сих пор не оценено полностью. Из географической литературы арабов мы узнаем, что соотношение между землями, пригодными для обработки, и пустыней в Персии и Средней Азии еще 1000 лет назад было примерно тем же, что и теперь. В отношении Персии на это указал уже В.Томашек¹. Несмотря на это, и ныне часто утверждают, что упадок культуры в этих странах следует объяснять не политическими, а климатическими

причинами, что количество осадков там в историческое время, по достоверным сведениям, значительно сократилось и что никакие политические изменения не смогли бы изменить судьбу культурных областей, "неминуемо обреченных на упадок". Этим и подобных утверждений наука могла бы избежать, изучая арабских географов.

Отдельные арабские карты были использованы европейцами уже в Средневековье. Отдельные труды арабских географов появились уже в XVII веке в латинском переводе; все же подробные и точные сообщения арабов о Каспийском и Аральском морях, об Оксе и Яксарте не оказали никакого влияния на европейскую науку. То, что Западная Европа могла бы узнать от арабов еще 800 лет назад, она узнала лишь в XVIII веке от русских. Исправление прежних взглядов на Окс, Яксарт и Каспийское море принадлежит к первым достижениям русских исследований, заимствованным западноевропейской наукой. На карте, изготовленной Ремезовым в 1697 г., Аральское море (Море Аральско) впервые изображено как внутреннее озеро, полностью отделенное от Каспийского моря, в которое впадают "Амун-Дарья" (Амударья, Оке), "Сырт" (Сырдарья, Яксарт) и много небольших речек². Более подробные сведения о географии этой области были собраны в России в начале XVIII века и сообщены Петром Великим отчасти лично (во время его пребывания в Париже в 1717 г.), отчасти в письмах французскому придворному географу Делилю. На делилевской карте 1723 г. Аральское море впервые названо Аральским, хотя грек Василий Ватаци утверждает, что он принес в Европу первое известие об этом море и произвел этим в 1732 г. в Лондоне большую сенсацию³. Во всяком случае, карты XVIII века доказывают, что о географии соответствующей области имели еще очень неясное представление и старались спасти как можно больше утверждений греческих географов; Делиль провел даже реку от Аральского моря к северной части Каспийского, назвав ее "древним течением реки Сыр"⁴.

Если Окс теперь впадает только в Аральское море, то только ли из-за "неведения" древние заставляли реку впадать в Каспийское море, как это считает Василий Ватаци? Этот вопрос должен был прийти в голову всякому, кому было известно, что уже в 1713 г. туркмен Ходжа Нефес принес в Россию известие о сухом русле реки у Балханской бухты на Каспийском море, которое сами туземцы считали прежним руслом Окса. Ходжа Нефес, как сообщают, утверждал, что хивинцы лишь совсем недавно отвели реку в другом направлении из страха перед русскими, вследствие чего прежнее русло пересохло. Что такое русло имеется на самом деле, подтвердила экспедиция, снаряженная Петром Великим. Вскоре после этого, шведские пленные привезли из Сибири в Европу экземпляр "Родословной тюрков", написанный хивинским ханом Абулгази (1603—1663); из этого труда было заимствовано сообщение, что еще в XVI веке Окс изливался в Каспийское море и лишь за 30 лет до рождения автора (следовательно, около 1570 г.) проложил себе новый путь к Аральскому морю. Таким образом, был найден туземный источник, который, казалось, полностью подтверждает сведения греческих географов. Пока был известен только этот источник, пришлось прийти к заключению, что водный путь от Индии до Кавказа, упоминаемый Страбоном и Плинием, существовал до XVI века и может быть восстановлен без особого труда, поскольку река лишь так недавно повернула свои воды к Аральскому морю.

Этот взгляд не мог больше удерживаться, когда в первой половине XIX века лучше познакомились со сведениями арабских географов. Выяснилось, что уже у географов X века находятся подробные сведения о впадении Окса в Аральское море, зато уже около этого времени ничего не говорится о впадении в Каспийское море. Некоторые, как например Сен-Мартен, уже тогда пришли к выводу, что Окс, так же как Яксарт, никогда в историческое время не имел связи с Каспийским морем и что известия древних, как и рассказ Абулгази (даже подлинность этого рассказа оспаривалась), следует отвергнуть. Другие, особенно А.Гумбольдт⁵, пытались устранить противоречие предположением о "раздвоении": река с древнейших времен до XVI века изливалась одним рукавом в Аральское, другим — в Каспийское море; большинству писателей был известен только один из этих двух рукавов; лишь в XVI веке левый рукав окончательно пересох.

Последующие исследователи, как например Ролинсон, Ленц, Лерх и др., постепенно пришли к пониманию того, что попытка согласовать в этом смысле все известия от Аристубула (современника Александра) до Абулгази не может иметь никакой надежды на успех; что сообщения древних свидетельствуют только об их неосведомленности о действительном положении дел; что подробные известия арабских географов X века не только не подтверждают предположения о раздвоении Окса в то время, но безусловно

исключают ее. Бифуркация Окса в историческое время все-таки принимается, но ограничивается значительно более коротким временем (два-три столетия). Узбой в таком случае должен был образоваться лишь после XIII века. Последнее мнение было впервые опровергнуто де Гье, благодаря эпохальному труду которого "Das alte Belt des Oxus" (1875) историческое исследование проблемы Окса было надолго закончено. В нем впервые было указано, что Узбой упоминается в X веке как сухое русло. Сообщениям XIV и XV веков, которые заставляют Оке изливаться в Каспийское море, противопоставлены другие сообщения, которые по-прежнему говорят только о впадении в Аральское море; этим последним сообщениям отдается предпочтение, а все противоположные известия, среди них также рассказ Абулгази, возводятся к недоразумениям и ошибочным взглядам. Результат исследования таков: "Начиная с древнейших времен, от которых у нас только сохранились достоверные известия. Оке впадал только в Хорезмское озеро (Аральское море)".

Этот результат исторического исследования позже (1898) был распространен И.Вальтером⁶ на основе геологических наблюдений также и на доисторическое время. При обследовании мнимого русла у Балханской бухты даже на глубине 35 м не было обнаружено никаких следов амударьинского ила. По И.Вальтеру, Узбой поэтому вообще не мог быть руслом реки; мнимое "старое русло Окса" — всего лишь углубление, возникшее вследствие деятельности дождевых потоков, подобно *вади* в Африке⁷. Как там туземцы часто принимают такие вади за высохшие рукава Нила, так и здесь возникла легенда о прежнем течении Окса. Решение проблемы Окса И.Вальтер формулирует в следующей фразе: "Древняя река никогда не текла на запад к Каспию, она всегда текла на север к Аральскому морю".

Для научного исследования изыскания И.Вальтера не имели большого значения; Узбой и местность между нынешним и предполагаемым прежним руслом еще раньше были тщательно изучены и описаны русскими исследователями. Со времени основания Красноводска (1869) и завоевания Хивы (1873) в этот район было выслано множество русских экспедиций; результаты первых экспедиций были использованы уже в монографии де Гье; результаты дальнейших исследований были подробнейшим образом рассмотрены А.Коншиным в работе под названием "Разъяснение вопроса о древнем течении Амударьи". После этой работы едва ли могло оставаться сомнение в том, что предположение о раздвоении реки полностью соответствует условиям поверхности в нижней части русла. Эта область понижается не только на север, к Аральскому морю, но и на запад, к небольшой, ныне пересохшей котловине озера, к Сарыкамышу; сейчас только в самом глубоком месте этой котловины, 15 м ниже уровня Каспийского моря, сохранились два небольших соленых озера. Между Сарыкамышем и Аральским морем находится еще одна пересохшая котловина — Айбугир. В давно прошедшие времена Аральское море, должно быть, соединялось через Айбугир с Сарыкамышем. Что Сарыкамыш еще в историческое время мог принимать часть Окса, признано де Гье на основании исторических сведений и полностью подтверждено исследованиями Коншина. Северная часть Сарыкамыша и в настоящее время заполнена амударьинским илом, повсюду сохранились следы ирригационных сооружений⁸. Немного южнее этой котловины начинается Узбой и идет к Каспийскому морю. Узбой и по Коншину нельзя считать старым руслом Окса. Подробно обосновывается мнение, уже высказывавшееся ранее другими исследователями (напр., в 1879 г. Гедройцем)⁹: Узбой вообще не сухое русло, а пролив, образовавшийся при отделении (тогда еще объединенных) бассейнов Аральского моря и Сарыкамыша от Каспийского моря. Остатков амударьинского ила там не имеется; да и по другим признакам Узбой никогда не был наполнен водой Окса, в нем была только соленая вода. Исторические свидетельства, которые заставляют Окс с XIII по XVI век течь в Каспийское море, согласно Коншину, могут быть отнесены только к Сарыкамышу, а не к этому морю. К сожалению, все свидетельства, приведенные Коншиным, заимствованы из одной лишь "Asie Centrale" Гумбольдта; даже монография де Гье осталась ему неизвестна.

Что этот вопрос должен быть еще раз исследован с точки зрения историка, мне стало ясно лишь в 1897 году. На основании того же материала, который имел перед собой де Гье, я пришел тогда к заключению, что принципы исторической критики требуют иного решения проблемы, так как все сообщения, которые в XIV и XV веках заставляют по-прежнему Окс впадать только в Аральское море, почти дословно выписаны из сочинений X века, зато в противоположных сообщениях нельзя указать никаких следов какой-либо зависимости от географов древности или ранних арабских географов; кроме того, нельзя усомниться в том, что авторам этих сообщений также были известны сочинения географов X века.

Позже, с 1901 г., мне удалось привлечь и другой, не использованный де Гье материал. Выяснилось, что не только у Абулгази, исторические сообщения которого, по мнению де Гье, находятся под влиянием ошибочных географических представлений, но и в значительно более ранних исторических сочинениях, в которых нельзя найти ни следа каких-либо географических предрассудков, Узбой предстает как русло Окса, наполненное водой. Рассказ подобного рода имеется у Хондемира, который как географ, подобно большинству своих современников, рабски переписывает сведения географов X века и поэтому сообщает только об одном устье Окса (у Аральского моря). Это противоречие автора самому себе, естественно, более показательное для достоверности его исторических сообщений, чем взгляд, последовательно проводимый Абулгази. После этого открытия у меня не оставалось никакого сомнения, что точка зрения, представленная де Гье и геологами, не может быть правильной.

В это же время (1899) Туркестанский отдел императорского Русского географического общества независимо от проблемы Окса решил еще раз исследовать Аральское море. Л.Берг, которому было дано это поручение, уже в 1901 г. опубликовал в журнале "Землеведение" краткое физико-географическое описание озера¹⁰; в 1902 г. работы были почти окончены (только на северном берегу еще в 1906 г. проводились некоторые наблюдения; отношение Аральского моря к Сарыкамышу и Узбою Берг также рассматривал тогда в духе теории Коншина). Сначала результаты моих исследований были встречены в Туркестане с большим недоверием; поэтому мне пришлось, не беря на себя решение геологических и физико-географических вопросов, еще раз указать, на какое значение могут претендовать привлеченные мной согласно принципам исторической критики сообщения источников. После этого мне предложили в качестве приложения к "Научным результатам Аральской экспедиции" дать сводку исторических сведений об Аральском море и нижнем течении Окса. Однако вскоре выяснилось, что это возможно, выполнить только в виде самостоятельной монографии, а не в форме короткой заметки, как того желало [Географическое] общество. Монография была напечатана летом 1902 г. в "Известиях" Общества и позже использована Л.Бергом в его работе "Аральское море. Опыт физико-географической монографии", вышедшей в 1908 году. И теперь взгляды Берга не совсем совпадали с результатами моих исследований; согласно Бергу, главный рукав Окса постоянно изливался в Аральское море, даже в период с XIII по XVI в. только сравнительно небольшая часть вод реки могла, по его мнению, достигать Сарыкамыша и через Узбой Каспийского моря. Но теперь Берг признает, что этот последний факт нельзя больше оспаривать, и пытается показать, что геологические и физико-географические условия Узбоя также ни в коей мере не противоречат этому выводу исторического исследования.

Учитывая это, не будет слишком смелым утверждать: судьбы проблемы Окса могут служить доказательством того, что научное познание иногда может быть больше продвинуто методами исторического исследования, которые столь часто подвергаются сомнению, чем якобы безошибочными методами так называемых точных наук.

Западноевропейская наука после де Гье и Вальтера мало интересовалась проблемой Окса. Результаты моих исследований были приведены в ежегодных обзорах для "MSOS"¹¹, составленных мною самим, но, кажется, остались без внимания, так же как и короткие заметки об этом в парижских "Annales de geographic". Независимо от меня Ле Стрэндж¹² в 1905 г. пришел к выводу, что, несмотря на утверждения де Гье, данные Хамдаллаха Казвини, Хафиз-и Аbru и Абулгази не могут быть опровергнуты. Де Гье¹³ ответил на это ссылкой на свою монографию 1875 г. (которую Ле Стрэндж тоже цитировал); де Гье сожалеет, что в общем полезная книга Ле Стрэнджа в данном случае распространит "в корне неверное" представление. Что после 1875 г. были приведены новые доказательства факта впадения Окса в Каспийское море, явно не было известно тогда ни де Гье, ни Ле Стрэнджу. Когда мне поручили составление статьи "Амударья" для "Энциклопедии ислама", то я, естественно, использовал и этот случай, чтобы обратить внимание западноевропейских ориенталистов на соответствующие сообщения источников; к сожалению, это смогло произойти лишь после кончины великого голландского ориенталиста, чье признание имело бы для меня наибольшую ценность.

Если теперь, кроме этого, широкому кругу немецких читателей предлагается полный перевод моей монографии 1902 г., то это происходит только по желанию господина издателя этой серии. Русская работа, напечатанная в Ташкенте, была, естественно, в первую очередь предназначена для русского читателя в Средней Азии, что, понятно, не

могло не оказать влияния на расположение и рассмотрение материала; чтобы полностью удовлетворить запросы нового круга читателей, эту работу в переводе следовало бы полностью переработать — такую задачу не мог взять на себя ни я, ни переводчик. При чтении корректур я (а частично издатель) кое-что добавил, кое-что вычеркнул, некоторые цитаты заменил указанием работ, более доступных западноевропейским читателям, была также принята во внимание литература, вышедшая после 1902 г., для каждого свидетельства, по возможности, дан первоисточник. При проверке перевода я обращал внимание только на то, чтобы было правильно передано содержание оригинала; за форму ответствен только издатель, так же как и за транскрипцию имен собственных¹⁴.

Вопрос о том, впадала ли Амударья еще в историческое время в Каспийское море, давно уже является предметом географических, геологических и исторических изысканий. Еще недавно этому вопросу придавали также практическое значение: доказывали возможность и необходимость вновь направить реку в Каспийское море и проложить таким образом непрерывный водный путь от границ Афганистана в Европейскую Россию.

Теперь этот проект едва ли имеет сторонников; сам вопрос представляет только академический интерес, но среди научных задач продолжает занимать выдающееся место. Вопрос о том, какое направление в разные эпохи имела река, которой определяется вся жизнь орошаемой ею страны, имеет существенное значение для всех, кто занимается выяснением истории земной поверхности или истории населения Средней Азии. Разрешение проблемы требует совместной работы представителей нескольких специальностей; выводы, основанные на изучении современного состояния русла Амударьи и Узбоя и котловин Арала и Сарыкамыш, нуждаются в проверке путем критического рассмотрения известий историков, географов и путешественников разных эпох. Амударьинскому вопросу посвятил исследование один из наиболее выдающихся ориенталистов-историков нашего времени, де Гье¹⁵; его выводы совершенно совпали с выводами представителей естествознания, из которых многие в настоящее время склонны сдать вопрос в архив в качестве решенного. Ближайшее рассмотрение данных, собранных в исследовании де Гье, привело меня к противоположному выводу; кроме того, мне удалось найти некоторые новые данные, на которые прежде не было обращено внимания и которые также, на мой взгляд, опровергают как взгляды де Гье, так и взгляды, господствующие в настоящее время в геологической науке¹⁶. Одновременно с этим Туркестанский отдел ИРГО предпринял исследование Аральского моря, причем также выяснились некоторые новые факты, важные для решения амударьинского вопроса. Ввиду этого мне было предложено составить для "Известий" Отдела свод исторических данных об Аральском море и низовьях Амударьи. Для выяснения вопроса о направлении Амударьи мне придется в некоторых случаях коснуться также известий о Каспийском море, особенно о его восточном побережье.

I. ГЛАВА

Области Средней Азии сравнительно поздно вошли в круг исторической жизни. Сказания древних о походах ассирийских царей на Бактрию опровергаются ассирийскими надписями, из которых видно, что даже в эпоху величайшего могущества Ассирии (IX и VIII вв. до н.э.) войска ассирийских царей не заходили на восток дальше Демавенда. Ввиду этого должны быть безусловно отвергнуты попытки найти сведения о Средней Азии или ее населении в ассирийских и вавилонских надписях¹⁷ или в библейских книгах¹⁸. Ассирийцы знали о существовании Каспийского моря, которое в их надписях носит название "Восточного"¹⁹.

Только с образованием персидской монархии в VI веке до н.э. среднеазиатские области были присоединены к культурному миру Передней Азии. Северо-восточной границей государства была река Сырдарья; о покорении среднеазиатских народов персами мы не имеем сколько-нибудь точных данных; из рассказов о походах Александра Македонского мы знаем, что основание главного укрепленного города в бассейне Сырдарьи приписывалось Киру²⁰; вообще нет основания сомневаться в том, что государство уже при Кире достигло крайних пределов своего распространения на северо-востоке²¹. Государство, основанное Киром, получило правильное устройство при Дарии (521—485). В знаменитой Бисутунской надписи Дарий среди подчиненных ему 23 провинций называет область хорезмийцев²²; та же область упоминается и в других надписях этого царя, но без сообщения каких-либо подробностей о стране или происходивших в ней событиях.

К той же эпохе относятся древнейшие известия греческих писателей о Каспийском море и соседних странах.

Предшественник Геродота Гекатей Милетский²³ называет Каспийское море Гирканским, по имени известной области на юго-восточном берегу моря (то же самое название сохранилось до сих пор в названии реки Гюрген), и, по-видимому, знал главным образом западное и южное побережья, как можно видеть из его слов, что "вокруг Гирканского моря расположены высокие горы, покрытые густым лесом". О "городе Хорасмии" и стране народа "хорасмийцев" говорится, что город и страна были расположены к востоку от Парфии (т.е. нынешнего Хорасана), что страна состояла из равнин и гор и что на горах росли дикие древесные растения: вид артишоков, ива, тамариск.

Геродот первым называет море Каспийским, по имени народа каспиев, жившего, судя по известиям более поздних географов, на юго-западном берегу²⁴. Геродот знал, что Каспийское море не соединяется ни с каким другим (I, 202), и указывает его размеры: в длину 15 дней плавания на веслах, в ширину, в самом широком месте, 8 дней (I, 203)²⁵. На западном берегу моря возвышался Кавказ; к востоку простиралась "необозримая равнина", значительная часть которой была занята народом массагетов. Описывая поход Кира на этот народ, Геродот заставляет Кира переправляться через реку Аракс, но тут же (I, 202) замечает, что "Аракс вытекает из страны матиенов, как и река Гинд, которую Кир разделил на 360 каналов"; о последнем событии сам Геродот говорит при описании похода Кира на Вавилон: Гинд, по его словам, "вытекает из матиенских гор и впадает в другую реку, Тигр" (I, 189). В Гинде древних авторов видят обыкновенно известный приток Тигра — Диялу²⁶. В другом месте (IV, 40) о реке Аракс также говорится, что она течет на восток. Таким образом, Геродот вообще понимает под Араксом ту же реку, которая носит это название теперь, но в некоторых местах смешивает эту реку с какой-то другой, через которую переправлялся Кир в стране к востоку от Каспийского моря. Обыкновенно полагают, что эта последняя река — Сырдарья и что ошибка Геродота произошла вследствие созвучия слов Аракс и Яксарт. Трудно сказать, относится ли к настоящему Араксу или к реке, впадавшей в Каспийское море с востока, замечание Геродота, что река при устье разделяется на 40 рукавов, из которых один „течет по открытой местности в Каспийское море“, а другие "впадают в болота и лагуны, где, как говорят, живут люди, питающиеся сырыми рыбами и одевающиеся в кожи тюленей" (I, 202).

Перечисляя сатрапии Дария, Геродот (III, 93) объединяет в одну сатрапию (16-ю) "парфян, хорасмийцев, согдийцев и арийцев" (жителей Арианы); в надписях Дария каждая из четырех областей (Парфия, Хорезм, Согдиана и Ариана) названа в качестве особой провинции. Полагают, что геродотовский список сатрапий, вопреки словам самого Геродота, относится к более поздней эпохе, к царствованию Артаксеркса I (464—425)²⁷; но список сатрапий у Геродота вообще внушает большие сомнения: иногда один и тот же народ назван в двух местах; трудно допустить, чтобы Согдиана когда-нибудь входила в состав одного наместничества с Хорезмом и Парфией и была отделена от Бактрии. Наиболее тесная связь существовала между хорезмийцами и парфянами; в войске Ксеркса парфяне и хорезмийцы составляли один отряд и находились под начальством одного предводителя (VII, 66). О местоположении Хорезма, даже по отношению к Парфии, Геродот не говорит; зато мы находим у него известие, хотя и очень темное, о большой реке, которой пользовались как сами хорезмийцы, так и их соседи (III, 117):

"Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горами: в горах пять проходов; когда-то эта долина принадлежала хорасмийцам, находясь на границе земель самих хорасмийцев, парфян, сарангов²⁸ и фаманейцев, а с тех пор как господство перешло к персам, она принадлежит [персидскому] царю. Из окрестных гор течет большая река; имя ее Ак. Прежде река орошала земли упомянутых народов, причем отовсюду были проведены каналы, и каждый народ приводил к себе воду по одному из проходов; но с тех пор как они находятся под властью персов, их постигло следующее: запрудив выходы из гор, царь у каждого выхода поставил ворота; воде был закрыт выход, и долина внутри гор обратилась в озеро, так как в нее входила река, а выхода нигде не имела. Для тех, кто раньше привык пользоваться водой, лишение возможности пользоваться ею составляет большое бедствие. Зимой бог посылает им дождь, как и другим людям, а летом они, когда сеют просо и сезам, пользуются водой. Когда они перестают получать воду, то они идут со своими женами в страну персов, становятся у ворот царского дворца, кричат и плачут; царь тогда велит открыть соответствующие ворота тем, кто более всего нуждается [в воде]. Когда же земля

достаточно пропитается водой, то эти ворота закрываются, и [царь] велит открыть ворота другим, кто более всего нуждается (в воде) из остальных. Как мне рассказывали, он за открытие ворот взимает большие деньги, независимо от [ежегодной] дани".

Название реки довольно близко подходит к древнему названию Амударья²⁹ (Вахш); в пользу такого сближения говорит и принадлежность долины хорезмийцам; но действительно ли Амударья или какая-нибудь другая река имела в V веке до н.э. такое направление, что ею кроме хорезмийцев могли пользоваться парфяне, гирканцы и народы северо-западной части Афганистана, остается более чем сомнительно; подробности рассказа Геродота едва ли позволяют видеть в этом рассказе точное воспроизведение слов лица, хорошо знакомого с географическими условиями страны. Из приведенного рассказа можно сделать только один достоверный вывод: что земледелие в Средней Азии уже в эту эпоху было возможно только при условии искусственного орошения.

Со времени Геродота до Александра Македонского географические познания греков почти не увеличились. Ктесий, Ксенофонт и другие дают нам скудные известия о восточных областях государства³⁰, которые по степени культуры, конечно, значительно уступали западным. К такому заключению приводят как отзывы спутников Александра и писавших с их слов о нравах бактрийцев и согдийцев³¹, так и все, что мы знаем о парфянах; едва ли хорезмийцы были образованнее своих соседей. До сих пор не найдено никаких указаний на существование письменности у иранцев до усвоения ими месопотамской культуры.

Хорезмийский историк и астроном XI века Бируни утверждает, что у хорезмийцев была эра на 980 лет древнее эры Александра (Селевкидской), т.е. начинавшаяся с 1292 г. до н.э.³², и что эта дата выражала собой начало земледелия в стране. Ролинсон справедливо считает эту эру "скорее астрономической, чем политической", т.е. счетом, искусственно введенным в более поздние века на основании астрономических вычислений. С этим мнением соглашается и Захау, делающий попытку объяснить эту и другую хорезмийскую эру (с 1200 г. до н.э., со времени прибытия в Хорезм мифического Сиявуша, на основании преданий и космогонических представлений последователей Зороастра³³. Едва ли можно думать, что у древних хорезмийцев были какие-нибудь письменные памятники и что скудные известия греческих писателей когда-нибудь могут быть дополнены открытием местных надписей или других туземных источников.

Географические познания, с которыми Александр предпринял свой поход, были крайне скудны. Даже слова Геродота о том, что Каспийское море не соединяется ни с каким другим, были забыты или подверглись сомнению. Еще учитель Александра, Аристотель, говорит то же самое, хотя вместо одного внутреннего моря называет два, ошибочно отличая Гирканское море от Каспийского³⁴. Поход Александра окончательно установил тождество обоих названий, но вопрос о соединении Каспийского моря с океаном оставался темным для Александра и его спутников; в последний год жизни Александра (323) даже была предпринята экспедиция, не состоявшаяся вследствие его смерти, для исследования вопроса, "с каким морем соединяется море, называемое Каспийским и Гирканским, соединяется ли оно с Понтом Евксинским, или океан, омывающий с востока Индию, образует Гирканский залив, подобно тому, как Александру уже удалось установить, что таким заливом океана является Персидский залив или так называемое Красное море.

Еще не было исследовано, где начинается Каспийское море, хотя вокруг него живет немалое число народов и хотя в него впадают судоходные реки³⁵. К этим рекам греческие авторы причисляют Амударью и Сырдарью. Александр, как известно, не был в Хорезме, но переправлялся через Амударью и весной 328 г. принимал в Бактрах хорезмийского владетеля Фарасмана; тем не менее даже Аристобул, лично сопровождавший Александра и считающийся одним из более достоверных историков его походов³⁶, держался такого мнения об устье Амударьи; по словам Страбона, "Аристобул свидетельствует, что Окс—самая большая из виденных им рек, кроме индийских; он же говорит, что река судоходна (то же самое говорит и Эратосфен со слов Патрокла) и что по ней возят много индийских товаров в Гирканское море, откуда их переправляют в Албанию (область на низовьях Куры), а оттуда по Куру (Куре) и дальше привозят в Евксинское (Черное) море"³⁷. Замечательно, что греки заставляли впадать в Каспийское море и Сырдарью.

До Александра, иногда и после него, Сырдарью смешивали с Доном, считавшимся границей между Азией и Европой, и к обеим рекам прилагали одно и то же название — Танаис³⁸. Арриан различает два Танаиса и описывает Сырдарью в следующих словах: "Из Мараканд (Самарканда) Александр двинулся к реке Танаису Истоки этой реки, которой, по

словам Ариостоула, местные варвары дают еще другое название — Яксарт, также находятся в Кавказских горах³⁹, а впадает она также в Гирканское море⁴⁰.

Несмотря на образование в Средней Азии сильного греко-бактрийского царства, греческим авторам и в последующие века не удалось получить более точные сведения о Каспийском море и странах к востоку от него. Рассказы историков Александра показывают, что Хорезм в эту эпоху не входил, как при Дарии, в состав персидской монархии, но, как впоследствии, в эпоху монгольского владычества⁴¹, в политическом отношении составлял одно целое с юго-востоком нынешней Европейской России. По словам Арриана, владетель Хорезма Фарасман прибыл к Александру в Бактры весной 328 г. в сопровождении 1500 всадников; он говорил, что его страна граничит с Колхидой, и предлагал доставить Александру проводников и все необходимое для войска, если бы Александр предпринял поход к Черному морю. Александр, думавший тогда уже о походе в Индию, не мог воспользоваться этим предложением, но рекомендовал Фарасмана персу Артабазу, наместнику Бактрии, и сатрапам других соседних областей⁴². В том же 328 г. Артабаза сменил в качестве наместника Бактрии грек Аминта⁴³; об отношениях его и возникшей впоследствии династии греко-бактрийских царей к Хорезму мы не имеем никаких известий.

План Александра — исследовать Каспийское море — был возобновлен при Селевке (312—280), причем это поручение было возложено на Патрокла, "мужа, казавшегося благоразумным и Селевку верным другом", как рекомендует его Плутарх⁴⁴. Плаванию Патрокла посвящено исследование К.Нейманна⁴⁵, который доказывает, что Патрокл был на Каспийском море между 285 и 282 годами. Замечательно, что Патрокл не только вполне подтвердил мнение о впадении в Каспийское море Окса и Яксарта, но даже пришел к заключению, что Каспийское море соединяется на севере с океаном и что возможно плавание из прикаспийских стран в Индию мимо северного берега Азии. На основании приводимого им расстояния вдоль южного берега Каспийского моря и дальше до устья Окса (4800 стадий, т.е. около 840 верст) Нейманн приходит к выводу, что Патрокл принял за устье большой реки пролив, соединяющий Каспийское море с заливом Кара-Бугаз. Едва ли, однако, Патрокл мог принять за реку пролив, по которому соленые воды текут из моря в залив, а не обратно.

Сочинения Патрокла не дошли до нас, но его взгляды господствовали в науке в течение нескольких столетий. Александрийский ученый Эратосфен (275—194), предложивший систему объяснения устройства вселенной, черпал свои сведения о Каспийском море и прилегающих к нему областях главным образом из сочинений Патрокла⁴⁶; взгляды Эратосфена в общем были приняты также Страбоном (род. ок. 63 г. до н.э.). Несмотря на расширение географических познаний греков благодаря походам Александра, Селевкидов и бактрийских царей, эти взгляды представляют значительный шаг назад по сравнению со взглядами Геродота. По Эратосфену и Страбону, Каспийское море занимает с запада на восток значительно большее пространство, чем с юга на север, и узким проливом соединяется с Северным океаном; с востока в него впадают судоходные реки Окс и Яксарт; расстояние между устьями обеих рек 2400 стадий (около 420 верст) или, по Патроклу, 80 парасангов⁴⁷ (фарсахов). Замечательно, что эта цифра приблизительно соответствует расстоянию между устьями Амударьи и Сырдарьи вдоль берега Аральского моря⁴⁸. Правильный взгляд на Каспийское море, как на внутренний, не соединяющийся с океаном бассейн, был вновь установлен только Птолемеем⁴⁹ (II в. н.э.); в том, что Каспий занимает с запада на восток большее пространство, чем с юга на север, и что в него впадают Окс и Яксарт, не сомневался, насколько известно, ни один географ древности. Рассказам древних о судоходстве по Оксу до самого устья противоречат, однако, рассказы некоторых ученых той же эпохи о громадном водопаде при впадении Окса в море. Евдокс, живший, по всей вероятности, в III веке до н.э.⁵⁰, говорит об этом, по словам Страбона⁵¹, следующее: "Около Гирканского моря находятся скалистые с пещерами высоты, между ними и морем — низменный берег. Реки, низвергающиеся с высоких обрывов, текут вниз с такой стремительностью, что вода от стен скал падает прямо в море, а берег остается сухим, и под водопадом могут проходить даже войска".

О том же водопаде более подробно говорит Полибий (208—127), сомневающийся, однако, в его существовании. По словам Полибия (X, 48), "аспасаики живут в местности между Оксом и Танаисом, из которых первый впадает в Гирканское море, а Танаис — в Меотийское болото⁵²; обе реки по своей величине судоходны, и кажется удивительным, каким образом кочевники переправляются через Окс со своими конями, отправляясь сухим

путем в Гирканию. Есть об этом два рассказа, из которых один правдоподобный, а другой невероятный, хотя не невозможный. Именно: Окс имеет свои истоки в кавказских горах; реки, впадающие в него в Бактриане, значительно увеличивают в нем количество воды; после этого он несется по ровной местности обильным и мутным потоком. Достигнув пустыни, поток по некоторым крутым скалам пробивает себе путь силой, благодаря своей величине и [присоединению] вод с лежащих выше мест, так что поток низвергается в местности под скалой на расстоянии более стадия (около 90 сажений). Говорят, что аспасиаки проходят со своими конями в Гирканию по этому месту, у самой скалы, под низвергающимся потоком реки. Другой рассказ имеет более правдоподобный вид, чем предыдущий. Именно: «в местности выше (по течению реки) есть большие глыбы камня, к которым низвергается [река]; их она силою течения выдалбливает, разрывает и протекает небольшое пространство под землей, на [некоторой] глубине, потом снова показывается; варвары, знакомые с местностью, по этому промежуточному месту проходят в Гирканию со своими конями».

Трудно сказать, лежит ли в основании этих рассказов факт существования водопадов на Узбое или, как полагают некоторые, фантастическое предание, придуманное для объяснения постоянных вторжений северных кочевников в Гирканию; греки были убеждены, что к северу от Гиркании в Каспийское море впадает Окс, и старались объяснить себе, каким образом кочевники обходят это препятствие⁵³.

У некоторых греческих авторов находят намек на существование Аральского моря. Так, о кочевом народе даев у Страбона говорится, что он жил к востоку от Каспийского моря и в то же время что он вышел из страны "за Танаисом и Меотидой"; Гутшмид⁵⁴ полагает, что под этими названиями в этом случае следует понимать Сырдарью и Аральское море. К последнему относят также слова некоторых авторов об "Оксийском болоте" (*palus Oxiana*); однако еще Птолемей понимает под этим названием небольшое озеро вблизи Окса, образованное какой-то степной рекой, по мнению некоторых — озеро, образованное Зеравшаном⁵⁵.

Римские писатели черпали свои географические сведения, главным образом, из греческих источников; непосредственные сведения о прикаспийских областях римляне могли получить во время походов Помпея, который в 66 г. до н.э. доходил до Куры. Плиний⁵⁶ приводит слова современника Помпея, известного Варрона (116—27), написавшего, между прочим, три книги о Помпее⁵⁷; по словам Варрона, во время этого похода были собраны сведения о торговом пути из Индии; товары шли из Индии семь дней до Бактрианы, именно до устья Икара, впадающего в Окс, оттуда перевозились по Оксу в Каспийское море, дальше по морю и по Куре, от Куры в пять дней сухим путем до Фасиса на Черном море (Поти).

В I веке н.э. римляне имели непосредственные сношения с Гирканией, отделившейся в 58 г. от парфянского государства; уже в 59 г. в Риме было гирканское посольство⁵⁸; однако эти сношения, насколько известно, не расширили географических познаний римлян.

Неизвестно, из какого источника историк IV века Аммиан Марцеллин заимствовал свои любопытные сведения об Оксийском болоте (XXIII, 6, 59): "Между горами, которые называются Согдийскими, текут две реки, вполне судоходные, Араксат и Дима; через горные хребты и долины они стремительно низвергаются⁵⁹ в равнину, покрытую лугами, где образуют болото, называемое Оксийским и занимающее обширное пространство". Аммиан Марцеллин — первый и единственный из древних писателей, в словах которого можно видеть ясное указание на Аральское море⁶⁰, но он еще не знал, что одна из двух впадающих в это море рек — тот же Окс, о котором говорят его предшественники; "многоводное течение Окса" (*immania Oxi fluenta*) названо у него отдельно (XXIII, 6, 57). Название *Demus* или *Dumus* прилагается другими авторами к одному из верхних притоков Яксарта⁶¹.

Приведенные данные показывают, что древние авторы имели только крайне неясные сведения о прикаспийских странах; поэтому мы, несмотря на согласное свидетельство этих авторов, не решаемся утверждать, что Амударья в эту эпоху действительно впадала в Каспийское море. Умолчание тех же авторов об Аральском море еще менее дает нам право прийти к заключению, что этого моря в то время не существовало. Что такое заключение было бы ошибочным, видно, между прочим, из китайских известий, начинающихся со II века до н.э.

Западные области Средней Азии открыл для китайцев Чжан Цянь, отправленный китайским правительством в 138 г. до н.э. на запад для искания союзников против хуннов; по дороге он был захвачен последними и достиг Западного Туркестана только в 128 г., где

пробыл до 126 г. Сведения из отчета Чжан Цяня⁶² вошли в состав "Исторических записок" Сыма Цяня. Чжан Цянь был в Фергане и в областях к западу и к юго-западу от нее до Балха; о странах, лежащих дальше к западу, он мог собрать только расспросные сведения. По его словам, все реки к западу от Юйтяня (Хотана) впадали в "Западное" море; в то же время о стране Яньцай, лежавшей к северо-западу от страны Кангюй (а последняя — к северо-западу от Ферганы), говорится, что она "лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть Северное море". Последние слова китайского текста, приведенные нами по переводу о. Иакинфа Бичурина, толкуются различно; в переводе Броссе⁶³, которым пользовался Гутшмид⁶⁴, говорится и "большом озере, на берегах которого нет гор"; по переводу проф. Хирга страна "лежит у большого озера, которое не имеет берегов и которое поэтому считают Северным морем". Река Амударья упоминается под названием Гуйшуй; о том, куда впадает река, не говорится; подтверждаются слова классических писателей об Амударье как о торговом пути: "По реке Гуйшуй живут торговцы и купцы, которые и сухим путем, и водою развозят свои товары по соседним владениям, даже за несколько тысяч ли" (ли — около полверсты⁶⁵). Бактрийские купцы ездили в Индию, откуда привозили, между прочим, и китайские товары (бамбуковые посохи и холсты), проникавшие тогда в Туркестан только этим круглым путем.

Со времени Чжан Цяня начались дипломатические и торговые сношения Западного Туркестана с Китаем. В последующих китайских исторических сочинениях мы находим некоторые сведения о туркестанских областях, преимущественно о восточной части страны; сведения о западных областях менее определены, хотя китайские посланники и даже военные отряды в конце I века н.э. проникли довольно далеко на запад. Слова Чжан Цяня и последующих авторов, во всяком случае, свидетельствуют о существовании большого озера на северо-западе, т.е. Аральского моря. В "Истории старшего дома Хань" (сведения I в. до н.э.) об этом озере и о стране Яньцай, по-видимому, говорится в тех же словах, как у Чжан Цяня; по переводу о. Иакинфа⁶⁶: "... оно (государство Яньцай) прилегает к великому озеру, имеющему отлогие берега. Это есть Северное море". В "Истории младшего дома Хань" (сведения II в. н.э.) прибавлено, что страна Яньцай носит также название Аланья⁶⁷, из чего видно, что имеется в виду народ, известный классическим писателям под названием аланов.

Кочевья этого народа иранского происхождения, известного также под названием аорсов (транскрипцией последнего названия Хирт⁶⁸ считает китайское Яньцай), могли доходить на востоке до низовьев Сырдарьи; к сожалению, китайцы не говорят, впадала ли в "Северное море" какая-нибудь большая река. Что касается "Западного моря", в которое впадали, по китайским известиям, реки страны, то известия о нем менее определены. Гутшмид и Хирт полагают, что под этим названием также следует понимать Аральское море. О более позднем китайском историке, авторе "Истории династии Вэй" (написанной в VI в.), Хирт говорит, что он "несомненно имел в виду только восточные пределы (страны аланов) к северу от Аральского моря, к которому, вероятно, относится выражение "большое озеро"; существование обширных водных пространств дальше к западу, именно Каспийского и Черного морей, было ему так же мало известно, как более ранним географам классической древности различие между Аральским и Каспийским морями.

Перед воображением китайцев носилась страна, отстоявшая только на 16 тыс. ли от китайской столицы Дай⁶⁹ (находившейся, по словам Хирта, в северной части провинции Шаньси)⁷⁰. В связи с расстояниями, указанными от того же города до городов бассейна Тарима, это расстояние приводит нас только к Аральскому морю. О других морях китайцы, несомненно, также слышали, но относили эти рассказы все к тому же известному им бассейну. Так, по мнению Хирта, даже слова Чжан Цяня о большом озере, "не имеющем берегов", объясняются рассказами, которые он мог слышать у индо-скифов или бактрийцев о судоходстве на Черном море; Черное море, с одной стороны, могло считаться большим озером, с другой — все-таки было соединено с океаном⁷¹. Другими словами, Хирт полагает, что как классические писатели знали только Каспийское море и относили к нему рассказы, в которых имелся в виду Арал; так, китайцы, зная только восточный берег Аральского моря и не имея понятия о его действительном протяжении, относили к нему то, что им рассказывали о Каспийском или даже Черном морях.

До "Северного моря" в 94 г. доходил китайский полководец Бань Чао; это известие Гутшмид⁷² также относит к Аральскому морю. В 97 г. Бань Чао отправил на запад посланника Гань Ина, который "доходил до Западного моря и возвратился"⁷³. О том же посольстве в

другом месте⁷⁴ говорится, что Гань Ин был отправлен в Дацинь. "По прибытии в Тяочжи к великому морю, он хотел отправиться далее. Судохозяева на западной границе Аньси (страны парфян) сказали ему, что море очень пространно и для совершения обоюдного пути при хорошем ветре потребно три месяца, а при слабом — около двух лет; почему отправляющиеся в море запасаются хлебом на три года. В морском плавании усиливается тоска по родине, отчего некоторые умирают. Ин, услышав это, оставил намерение". Под названием Тяочжи китайцы понимали юго-западную часть Персии и Месопотамию, позднейшее "государство Босы"⁷⁵ (персидскую монархию Сасанидов). По-видимому, Гань Ин доходил до Индийского океана⁷⁶. По справедливому замечанию Хирта⁷⁷, китайцы знали только о существовании азиатской части Римской империи и считали столицей государства Антиохию (в "Истории Северных дворов", по переводу Иакинфа⁷⁸, Аньду). Жители страны Дацинь вели выгодную морскую торговлю "с Аньси и Индией", но в то же время можно было "обойти море северной его стороной и проникнуть в Дацинь по западную сторону моря"⁷⁹.

Река Амударья упоминается в "Истории Северных дворов" (VI в.) и в более поздних сочинениях под названием Уху⁸⁰, Сырдарья — под названием Яо-ша⁸¹ (Яксарт, собств. Яхшарт⁸²). К сожалению, и здесь не говорится, доходила ли река до страны аланов; сведения об этой стране остаются столь же краткими, хотя аланские купцы еще в V веке приезжали для торговли в Китай⁸³. О впадении рек в "Северное море" говорится, насколько известно, только в "Истории династии Тан"; по исследованию Хирта⁸⁴, сообщенные в этой истории географические данные восходят к Ду Хуаню, который в 751 г. был взят в плен арабами в битве при Таласе и только в 762 г. вернулся морским путем в Кантон. По его словам, "реки, текущие к северу от гор Лин (т.е. Тянь-Шаня), все текут через области тюрков и впадают в Северное море"⁸⁵.

По мнению Хирта⁸⁶, Аральское море, однако, упоминается в известиях, заимствованных из того же источника, под названием "Западного моря" (Сихай); к этому морю был путь от Таласа. Хорезм упоминается в "Истории старшего дома Хань"⁸⁷ под названием Юегянь (Юецзянь] (по мнению Иакинфа⁸⁸, Ургенч, т.е. древняя форма этого названия — Гургандж); о нем только говорится как об одном из "пяти малых кангюйских владений", без сообщения каких-либо подробностей. В "Истории династии Тан" о Хорезме ("Хосюнь, иначе Холисими и Боли") говорится, что область лежит на южной стороне реки Уху и что она на северо-западе граничит с областью народа гэса (т.е. тюрков-гузов). "Из всех тюркских владений только здесь (в Хорезме) есть волы с телегами. Торговые употребляют их в своих путешествиях по разным странам"⁸⁹. Последние слова, конечно, свидетельствуют о торговом значении Хорезма.

Таким образом, мы из китайских источников до VIII века также не получаем точного и ясного понятия о географических условиях страны. Еще менее точных данных о течении и устьях Амударьи дают древнеиранские источники. Древнеперсидское название Амударьи было Вех-руд; в Бундехеше об этой реке говорится, что она впадает в Индийское море и там носит название Мехран, т.е. Амударья смешивается с Индом⁹⁰. Взгляд на Инд и Амударью как на два рукава одной и той же реки мы встречаем еще у ранних арабских географов, как у Ибн Хордадбега⁹¹.

Еще в X веке Мас'уди считает необходимым серьезно опровергать взгляд, по которому Амударья одним рукавом впадает около Кермана в Индийский океан⁹².

В известиях о династии Сасанидов (III—VII вв.) Хорезм почти не упоминается и не рассказывается никаких подробностей о каких-либо событиях или военных действиях на нижнем течении Амударьи. Для решения амударьинского вопроса может, однако, иметь значение мнение одного из новейших ученых, Маркварта, по которому еще в V веке существовал город Балхан около гор того же имени, "на старом течении Окса, вероятно у Малого Балхана, к востоку от бухты Красноводска"⁹³. Маркварт основывается на китайских известиях о движении на запад ветви юэчжийцев (кушанов, или эфталитов) под начальством царя Кидары (у китайцев Ци-до-ло; по имени вождя эта ветвь народа носит у греков название кидаритов); эти кушаны утвердились в городе Боло⁹⁴. Из греческих источников мы знаем, что этот народ должен был вести борьбу с персами; по рассказу историка V века Приска, в Константинополь в 468г. прибыло персидское посольство с известием, что персы "одержали победу над кидаритскими гуннами и взяли их город Балаам"⁹⁵.

Прежние ученые, как Нёльдеке⁹⁶ и Гутшмид⁹⁷, видели в Боло китайских источников и в Балааме греческих — город Балх; Маркварт доказывает, что указанное китайцами

расстояние (15 760 ли от китайской столицы Дай и 2100 ли от области Фудиша, т.е. от Бадахшана⁹⁸, что последняя цифра слишком велика для Балха, признает и Гутшмид) свидетельствует о более западном местоположении, тем более что в той же "Истории Северных дворов", откуда заимствовано это известие, Балх упоминается под названием Бочжи, в 13 320 ли от города Дай⁹⁹. Вследствие этого Маркварт считает китайское Боло и греческое Балх различными транскрипциями названия Балхан. Приведенные цифры, конечно, не могут иметь решающего значения, тем более что для Ферганы, лежащей значительно восточнее Балха, указывается расстояние в 14 450 ли от Дай¹⁰⁰. Более важно другое обстоятельство, также приводимое Марквартом, а именно, что, по согласному свидетельству византийских и мусульманских историков, военные действия между персами и кочевниками происходили в эту эпоху не около Балха, а в Гиркании; вследствие этого Нёльдеке¹⁰¹ делает предположение, что владетели Бактрианы вооружили против персов кочевников туркменских степей. Однако мы знаем, что кидариты после своего пребывания в городе Боло перешли через Гиндукуш и завоевали часть Индии¹⁰²; если помещать Боло у Балхана, то этот факт трудно поддается объяснению.

Успехи персов в областях к востоку от Каспийского моря были непродолжительны; последующие цари, даже великий Хосрой Ануширван (531—579), заботились только о защите от кочевников линии Гюргена¹⁰³; по словам географа X века Ибн Русте¹⁰⁴, Хосрой даже отказался от Гиркании и для защиты от набегов кочевников построил стену из кирпича от морского берега до гор на восточной границе Табаристана (Мазендерана), проходившей несколько юго-западнее города Астрабада. Прочное завоевание Туркестана удалось только арабам, которым мы обязаны также первыми подробными географическими описаниями страны. Прежде чем перейти к изложению арабских известий, мы должны еще упомянуть об отправленном в 568 г. византийском посольстве к туркам¹⁰⁵; существует предположение, хотя и не вполне доказанное, что в рассказе об обратном путешествии этого посольства упоминаются Хорезм и Аральское море. Посол Земарх, покинув турецкую орду несколько западнее Таласа (хан двинулся из Таласа с намерением идти на персов), достиг страны холиатов, куда часть посольства прибыла еще раньше. Владетель холиатов получил позволение отправить своего посла в Византию; вместе с этим послом Земарх и его спутники переправились через реку Оих и оттуда после долгого странствования прибыли к обширному озеру (или болоту). Здесь они оставались три дня; часть посольства была отправлена в Византию "по кратчайшей дороге, проходившей через пустынную местность, совершенно лишенную воды". Земарх с остальными шел двенадцать дней вдоль песчаных берегов озера, причем эти переходы иногда были очень трудными, наконец достиг реки Их (Эмба?), потом реки Даих (Яик, Урал), наконец по другим топким местностям прибыли к реке Аттиле (Итиль, Волга).

Гумбольдт, Клапрот и Лерх¹⁰⁶ полагали, что под "обширным озером" Земарха надо понимать Аральское море. Под Оихом одни понимали Сырдарью, другие, как Лерх, Амударью; холиатов Лерх считает хорезмийцами. Однако при последнем объяснении остается непонятным целый ряд подробностей рассказа, именно слова о продолжительности странствования от берегов реки до озера; о двенадцати днях пути вдоль берегов последнего; о песчаном характере этих берегов (как известно, такой характер имеет только восточный берег Арала).

II. ГЛАВА

Хорезм был завоеван арабами в 712 г.; в рассказе об этом завоевании говорится только о взятии Хазараспа и столицы области Кята (ныне селение Шейх Аббас-вели)¹⁰⁷; после взятия столицы покорилась вся область, и дальше к северу арабы, насколько известно, уже не встретили сопротивления. Арабы сохранили местную династию хорезмшахов, но в то же время оставили в стране своего наместника; постепенно это двоевластие привело к распадению Хорезма на два самостоятельных владения — владение хорезмшахов с главным городом Кятом и владение арабских эмиров с главным городом Джурджанией (у туземцев Гургандж, около нынешнего Куна-Ургенча). Между обеими династиями происходили постоянные столкновения, и в 995 г. эмиры Гурганджа завоевали также и южную часть Хорезма¹⁰⁸.

Несмотря на образование арабского владения на низовьях реки, сведения первых арабских географов об устьях реки крайне неопределенны. Самый ранний из этих

географов, Ибн Хордадбех (писал около 865 г.)¹⁰⁹, говорит, по толкованию де Гук, о впадении реки в Аральское море, которое он называет "Курдерским озером"¹¹⁰, по имени города, находившегося в дельте реки¹¹¹, но это толкование остается спорным; по другому чтению (и по первому изданию текста, сделанному Барбье де Менаром), река впадала в Джурджанское, т.е. Каспийское, море. Другой географ IX века, Якуби (891 г.), ясно говорит, что река впадала в Дейлемское, т.е. в Каспийское, море¹¹². То же самое говорит и писавший около 903 г. Ибн ал-Факих, но в таких темных выражениях, которые заставляют предполагать искажение текста: "Река прорезывает Хорезм, впадает в Хорасанское море и вступает в Син" (Китай)¹¹³. Названные авторы не обнаруживают такого подробного знакомства с географией Средней Азии вообще и Хорезма в частности, чтобы мы на основании их слов имели право утверждать, что Амударья действительно до начала X века впадала в Каспийское море¹¹⁴.

В отчете экспедиции Глуховского¹¹⁵ делается ссылка на надгробный камень около развалин Талайхан-Ата, на котором "хивинским муллоу был прочитан 170 год хиджры", но для лиц, знакомых с мусульманской палеографией, не может быть сомнения в том, что, если бы надпись действительно относилась ко II веку, ее не мог бы прочитать ни один туземный мулла¹¹⁶.

Подробные данные о низовьях Амударьи и Аральском море впервые дает Ибн Русте, писавший, как доказывает его издатель де Гук¹¹⁷, не раньше 903 г. и не позже 913 г., т.е. современник Ибн ал-Факиха. По его словам, "река образует водоемы, камышовые болота и луга на расстоянии около 4 фарсахов ниже города Хорезма (Кята). Потом она течет к западу (собств. в сторону киблы) от Хорезма между Джурджанией и Миздахканом; Джурджания на западной, Миздахкан на восточной стороне ее; Джурджания находится ниже города [Кята] на 24 фарсаха. К Миздахкану принадлежит селение на восточном берегу, по имени Херваз¹¹⁸; ниже его еще другое селение, потом третье; если плыть от этого места вниз по течению, то от реки отделяется рукав по левую сторону и течет до места, называемого Варагдех (собств. "Селение плотины"), на 4 фарсаха ниже Джурджании. Здесь река подходит к селению Варагдех и горам, называемым Сях-кух ("Черные горы"); отсюда спускаются вниз по течению к селению Берабид (?). Ниже селения река образует множество водоемов, носящих название Халиджан. Это то место, где ловится рыба, вывозимая из Хорезма в [разные] стороны. Сама река впадает в озеро, имеющее в окружности около 80 фарсахов; по западному берегу его тянутся горы, называемые Сях-кух, по восточному берегу — болота, покрытые густыми зарослями сросшихся деревьев; почти невозможно проникнуть туда и пройти там иначе, как по узкой и неровной дороге, проложенной входившими и выходившими кабанами, и [по дороге] у конца (края?) берега в сторону севера, по которой проходит владетель так называемого Нового селения"¹¹⁹.

Последующие географы подробнее перечисляют каналы реки и города на берегах ее, но ни один из них не дает нам таких точных сведений о низовьях Амударьи и о берегах Арала, как Ибн Русте. Ближайший по времени географ, Истахри, писавший около 961 г., пользовался не дошедшим до нас трудом своего предшественника ал-Балхи; в свою очередь труд Истахри был вновь издан и дополнен Ибн Хаукалем (около 976 г.); относительно Амударьи и Аральского моря Ибн Хаукаль почти ничего не прибавляет к труду своего предшественника.

У Истахри мы находим следующие сведения: "От канала Ведак до города Хорезма (Кята) около 2 фарсахов. Ниже города в сторону Джурджании [отделяется] канал под названием Бувве (или Буе); вода его соединяется с водой Ведака в пределах селения, известного под названием Андерастан, несколько ниже, по направлению к Джурджании. Ведак больше Бувве; по обоим идут суда до места на расстоянии одной гальвы (1/24 фарсаха) от Джурджании; там есть плотина, задерживающая суда. От места соединения обоих каналов до Джурджании около одного перехода. К [городу] Курдеру. проведен канал, начинающийся на 4 фарсаха ниже города Хорезма (Кята) из четырех мест, отстоящих недалеко одно от другого; (эти истоки) превращаются в один канал, равный Бувве и Ведаку после их соединения. Говорят, что Джейхун прежде протекал в этой местности; когда уменьшается вода в Джейхуне, она уменьшается и в этом канале. Против Гита¹²⁰, в степи, на расстоянии 1 фарсаха с северной стороны [реки] есть город по имени Медминия; он отстоит от Джейхуна на 4 фарсаха, но принадлежит к Джурджании; так произошло оттого, что река от Курцера изменила свое течение и проходит между Гитом и Медминией¹²¹. После Медминии на берегу нет населенного пункта. Между Джейхуном и [каналом] Курдером —

округ (рустак) Миздахкан; между (городом) Миздахканом и Джейхуном — 2 фарсаха; он (город) лежит напротив Джурджании. К каждому селению между Курдером и городом [Кятом] проведен канал из Джейхуна: все эти каналы из Джейхуна. Потом Джейхун доходит до Хорезмийского озера в месте, где [живут] рыбаки; там нет ни селения, ни построек; это место называется Халиджаном; на берегу этого моря, около Халиджана, земля гузов; в мирное время они приходят с этой стороны в селение Бератегин¹²², с другой стороны — в Джурджанию; оба поселения — пограничные пункты¹²³. От того места, куда впадает река Джейхун, до места впадения Шашской реки (Сырдарьи) в это озеро — около 4-х дней пути (по Ибн Хаукалю¹²⁴ — около 10 дней, что правильнее).

На берегу Хорезмийского озера есть горы Чапыр-огуз, у которых замерзает вода и остается замерзшей до лета (по Ибн Хаукалю — все лето). Оно (место) представляет камышовое болото. Окружность этого озера, как мне говорили, около 100 фарсахов. Вода его соленая; озеро не имеет видимого истока; в него впадают реки Джейхун, Шашская река и еще другие реки; между тем вода его не становится пресной и не увеличивается по количеству, а остается на одном и том же уровне. Бог лучше знает, существует ли между ним и Хазарским (Каспийским) морем подземный проход, по которому соединяется вода обоих. Между обоими морями около 20 дней пути по прямому направлению¹²⁵. "От города [Кята] до Дерхаса — 2 перехода, от Дерхаса до Курдера — 1 переход"¹²⁶, от Курдера до селения Бератегин — 2 дня. Медминия и селение Бератегин — близко одно от другого, только Медминия ближе к Джейхуну. От Медминии до русла Джейхуна — 4 фарсаха; между Миздахканом и рекой Джейхуном — 2 фарсаха; город лежит напротив Джурджании; между Джурджанией и Джейхуном — 1 фарсах¹²⁷.

Ибн Хаукаль, не прибавляющий ничего существенного к словам своего предшественника о низовьях Амударьи, сообщает некоторые новые сведения о низовьях Сырдарьи, именно о "Новом селении"¹²⁸, которое находилось на расстоянии фарсаха от берега реки, в двух переходах от места впадения реки в Хорезмийское озеро (Аральское море), в 10 переходах от Хорезма и в 20 переходах от Фараба¹²⁹ (около Отрара). Эти данные показывают, что устье Сырдарьи в X веке находилось приблизительно в том же месте, как теперь.

Неизвестный персидский географ, писавший в 982 г.¹³⁰, только в самых общих словах говорит о впадении Амударьи и Сырдарьи в Аральское море. Макдиси, писавший около 985 г., сообщает некоторые подробности о плотине около Гурганджа и о городах на низовьях реки, которых нет у его предшественников. Эти подробности заимствованы или из не дошедших до нас книжных источников, или от лиц, знакомых со страной; сам Макдиси, по видимому, никогда не был в Хорезме¹³¹.

О плотине около Гурганджа у него сказано: "Джурджания — главный город хорасанской стороны¹³² на Джейхуне (так близко к нему), что вода наводняла его окрестности; (жители) придумали для отведения ее [сооружение] из досок и дров, так что река направилась к востоку; было совершенно удивительное дело. Потом река была проведена в степь к селению Фератегин и стала течь только по одной стороне (?). От нее провели каналы к воротам города, но не в самый город, вследствие тесноты места"¹³³. Из городов на низовьях Амударьи Курдер, Миздахкан, Бератегин и Медкаминия (очевидно, то же, что у Истахри — Медминия) помещены на правой, Джит (Гит) — на левой стороне реки, причем сказано, что было два селения этого имени¹³⁴. О Бератегине сказано, что он расположен "в степи около гор; оттуда вывозят камни"¹³⁵. В противоположность словам Истахри, что около Гита не было других селений, у Макдиси сказано: "Джит — большое селение с обширными рустакми (употребление этого термина заставляет предполагать ряд оседлых поселений) в степи; это укрепленный пограничный пункт на границе с гузами; отсюда вход в их [страну]"¹³⁶. Халиджан не назван вовсе.

Между отдельными городами у Макдиси указаны более значительные расстояния, чем у Истахри, и приведено более значительное число промежуточных пунктов; соответствующие дорожки приведены мною в другом месте¹³⁷. Макдиси считает от Кята до Миздахкана 5 переходов и еще 2 перегона (перегон в восточных областях равнялся двум фарсахам)¹³⁸, причем непосредственно перед Миздахканом было 2 перехода через степь, от Миздахкана до Курдера — 1 переход и 2 перегона или, по другой дороге, 2 перехода; от Курдера до Бератегина — 1 переход и 2 перегона; от Бератегина до озера — 1 переход¹³⁹. Дорожник левого берега обрывается на Джурджанией; не указаны ни расстояние между Джурджанией и Гитом, ни пути из Джурджанией в Курдер, Бератегин и к устью реки.

Между рассказами Ибн Русте, с одной стороны, и Истахри и Ибн Хаукаля — с другой, замечается разногласие относительно местоположения Халиджана; по словам Истахри и Ибн Хаукаля, Халиджаном называлось место впадения Амударьи в Аральское море, по Ибн Русте — водоемы, к которым доходил только левый рукав реки, отделявшийся от главного русла немного ниже Гурганджа; о впадении главного рукава в Аральское море говорится отдельно. В другом месте¹⁴⁰ я высказал предположение, что Халиджан Ибн Русте следует искать у Айбугира; слова Ибн Русте, по которым этот рукав реки у селения Варагдех достигал гор и потом протекал еще некоторое пространство, может быть, скорее указывают на Сарыкамыш.

Большой плотины около Гурганджа в ту эпоху, которую имеет в виду рассказ Ибн Русте, по-видимому, еще не было; очень вероятно, что после ее сооружения левый рукав реки перестал течь и что в таком смысле надо понимать приведенные слова Макдиси, что река "стала течь только по одной стороне". По имеющимся в нашем распоряжении данным трудно сказать, могло ли в Сарыкамыше и после этого в течение некоторого времени сохраняться такое количество воды, что рыбаки на берегах его могли продолжать свой промысел, или рыбацье поселение должно было быть перенесено на берег Арала; другими словами, следует ли видеть в словах Истахри о Халиджане просто ошибку или указание на перемену местоположения этого пункта. Едва ли можно сомневаться в том, что Курдер арабских географов соответствует нынешнему главному руслу, начиная от расширения реки близ селения Бийбазар. Крайне любопытны слова Истахри, что Курдер считался прежним главным руслом реки; из этого видно, что до X века произошло перемещение русла реки с востока на запад, а не наоборот¹⁴¹, и что Амударья еще задолго до X века впадала в Аральское море. Под "Хорезмийским озером" понимали, по-видимому, только Аральское, а не Арало-Сарыкамышское море, как полагает г-н Коншин¹⁴². Из Гурганджа караваны ходили на юго-запад в Хорасан и Гурган и на северо-запад к хазарам¹⁴³, подробностей о последнем пути географы X века нам не сообщают, хотя этим путем проехал в Россию в начале X века знаменитый Ибн Фадлан¹⁴⁴; но Гардизи, автор XI века, писавший по более ранним источникам, замечает, что на пути "из Гурганджа к Хорезмийским горам и от этих гор к печенегам встречают Хорезмийское озеро, оставляют озеро по правую руку и идут дальше"¹⁴⁵. Эти слова ясно показывают, что Арал в ту эпоху не соединялся с Сарыкамышем.

К X веку относится также первое известие об Узбое как о сухом русле. Макдиси рассказывает, что "в древности царь востока однажды разгневался на 400 человек из людей его царства и его свиты и велел их переселить в место, отделенное от населенных местностей расстоянием приблизительно в 100 фарсахов". Это было то место, где впоследствии возник Кят. Впоследствии царь пожаловал им 400 тюркских девиц (вследствие чего, как замечает Макдиси, в наружности хорезмийцев сохранилось сходство с наружностью тюрков) и велел прорыть для них канал от главного русла Джейхуна: "В то время главное русло доходило до города, [расположенного] за [городом] Неса и носившего название Балхана". Однажды изгнанников посетил эмир этого города (Балхана), играл с их начальником в кости и проиграл партию; ставка заключалась в том, что победителю будет предоставлено направить всю реку на один день и ночь в свой канал. Река тогда направилась к Хорезму, и после этого уже оказалось невозможным снова повернуть ее в старое русло. Хорезмийцы "провели от нее каналы и построили на ее берегах города, а Балхан пришел в разрушение". Жители Неса и Абиверда говорили автору, что они иногда "отправляются в Балхан и приносят оттуда много яиц; говорят, что быки и лошади [там] одичали"¹⁴⁶. Из рассказа Макдиси видно, что в X веке у туземцев существовало предание о прежнем течении Амударьи к Балхану, но что этот факт относили к эпохе до возникновения культуры в Хорезме, т.е. к мифическим временам; из этого можно заключить, что Узбой был сухим руслом задолго до X века.

Историк Ибн ал-Асир также говорит о горах Балхан, что "около них [находится] древний Хорезм"¹⁴⁷. Тем более странное впечатление производят слова другого географа X века, Мас'уди, о "Джурджанийском озере", в которое недалеко от города Джурджании впадала Амударья: "Это озеро одно из самых больших в населенной части мира; пространство его — около 40 дней пути в длину и столько же в ширину; из этого озера вытекают большие реки, впадающие в Хазарское (Каспийское) море. В это озеро течет [также] Шашская река"¹⁴⁸. Если бы до нас из всех географических сочинений X века дошел только труд Мас'уди, то мы, вероятно, пришли бы к заключению, что Арало-Сарыкамышское озеро в данную эпоху не только существовало, но и соединялось, посредством Узбоя, с

Каспийским морем¹⁴⁹.

Столь же ошибочно было бы вывести заключение о существовании поселений близ Балхана из слов арабских географов о месте Дихистан, которое находилось, по словам Истахри и Ибн Хаукаля¹⁵⁰, на расстоянии 50 фарсахов от гавани Абескун. Абескун, гавань области Гурган, несомненно, находился около устья реки Гюрген (Макдиси¹⁵¹ считает 1 переход от города Джурджана, или Гургана, около развалин башни Гумбез-и Кабус, до Абескуна и столько же от Абескуна до Астрабада, находившегося на пути из Абескуна в Сари; в первом случае расстояние на самом деле более значительно). Расстояние в 50 фарсахов от устья Гюргена могло бы привести нас к Балханской бухте; но это определение расстояния противоречит другим, более достоверным данным. Истахри и Ибн Хаукаль сами в другом месте¹⁵² дают другое определение — 6 переходов, что для 50 фарсахов слишком мало; Макдиси даже считает всего 4 перехода от города Джурджана до Дихистана¹⁵³. По Табари, между Джурджаном и Дихистаном было 25 фарсахов¹⁵⁴, по Хамдаллаху Казвини, писавшему в XIV веке, — 23 фарсаха¹⁵⁵; кроме того, Хамдаллах Казвини говорит о реке Атреке, что она впадает в Хазарское (Каспийское) море, "пройдя через пределы Дихистана"¹⁵⁶.

Дихистан совершенно иначе описывается у Макдиси, чем у его предшественников, Истахри и Ибн Хаукаля. По Истахри, Дихистан был местом (у Ибн Хаукаля прибавлено: "похожим на селение с небольшим количеством жителей"), куда в бурную погоду приставали суда и куда приходило много народа для рыбной ловли. Макдиси, напротив, описывает Дихистан, как целый рустак, один из лучших округов Гургана, с городом Ахур, 24 селениями и укрепленным рабатом, в котором было несколько мечетей, на краю степи¹⁵⁷. Остатком Дихистана являются, как полагают, развалины Мешхед-и-Мисриян (на современных картах обыкновенно Месториан), впрочем, относящиеся к значительно более позднему времени¹⁵⁸.

Из слов Табари мы знаем, что в домусульманское время правитель Дихистана жил на острове Бухейрс (собств. "Озеро"), в 5 фарсахах от Дихистана¹⁵⁹. Арабское слово *джазира* значит как остров, так и полуостров; из слов персидского географа X века мы узнаем, что в этом случае речь идет о полуострове¹⁶⁰. Из слов арабских географов о Дихистане мы можем заключить, что даже в то время, когда Амударья еще не направилась снова к Каспийскому морю, последнее в этом месте простиралось на восток значительно дальше, чем теперь, может быть, вследствие большого количества воды в Атреке.

X век был эпохой высшего процветания арабской географической литературы; все последующие авторы, вплоть до XVII века, пользовались известиями географов этого периода большей частью без всякой критики, допуская, таким образом, в своем изложении множество анахронизмов. Этот факт необходимо всегда иметь в виду при пользовании сочинениями восточных географов второй половины Средних веков. Кроме того, у многих компиляторов известия географов X века приводятся в искаженном виде, по дурным рукописям. К числу таких компиляторов принадлежит Идриси, написавший свой труд в 1154 г. при дворе норманнского короля Сицилии и Неаполя Рожера II. Все, что говорится у Идриси об Аральском море и Амударье, заимствовано у географов X века, особенно у Ибн Хаукаля; расстояния, сообщаемые там в фарсахах, здесь переведены на мили (в фарсахе 3 мили); встречаются искажения источников, по крайней мере судя по французскому переводу Жобера¹⁶¹, который и сам по себе возбуждает много сомнений; подлинник пока не издан и мне недоступен. Расстояние между устьями Амударьи и Сырдарьи определено в 10 миль вместо 10 переходов¹⁶²; известие Ибн Хаукаля о квартале Дерджаш (у Идриси — Дергаш) в Кяте отнесено к Джурджани¹⁶³ и т.п. Из рассказов Идриси об Аральском море не находится у дошедших до нас географов X века только фантастическая сказка о какой-то рыбе, время от времени появлявшейся над водой озера; появление ее предвещало смерть кому-нибудь из князей гузов¹⁶⁴. Ввиду такого характера этого источника трудно искать в нем новые сведения и выводить из слов Идриси о реке Бура¹⁶⁵, что русло одного из каналов Амударьи в ту эпоху начало просачиваться через горы Шейх-Джели¹⁶⁶. Под словом *Бура* Идриси, как уже определил де Гук¹⁶⁷, несомненно, понимает тот же канал, который у географов X века носит название *Бузве*; различие между описанием этого канала у авторов X века и у Идриси, вероятно, следует объяснить ошибкой компилятора или переводчика.

Несколько ранее, также на отдаленном Западе (в Испании), были написаны труды другого компилятора, ал-Бекри, умершего в 1094 г.: географический словарь, изданный Вюстенфельдом, и компилятивный труд "Книга о государствах и путях". В последнем труде для нас представляют некоторый интерес слова о башне на "Хорезмийской горе", в 12

фарсах от города Джурджании, на пути в страну печенегов; у подошвы горы находились пашни переселенцев из Джурджании¹⁶⁸.

Упадком культуры в Средней Азии после падения государства Саманидов следует объяснить, что мы с X до XIII века не имеем почти никаких трудов местных ученых, кроме трудов упомянутого выше хорезмийца ал-Бируни, в которых нет ничего нового об Аральском море и низовьях Амударьи. В начале XIII века Хорезм и Гургандж достигли небывалого блеска; хорезмшаху Мухаммеду подчинилась вся восточная часть мусульманского мира. Для этого государя написал свою книгу Мухаммед ибн Неджиб Бекран¹⁶⁹, под заглавием Джахан-наме. К сожалению, и здесь только очень кратко говорится о течении Амударьи и Сырдарьи и об их впадении в Аральское море, которое названо "Джендским озером", по имени известного города на нижнем течении Сырдарьи¹⁷⁰. Автор считает 12 переходов от Аму (Чарджуя) до Хорезма и 6 переходов от Хорезма до озера¹⁷¹.

Из данных, приведенных в словарях Сам'ани и Якута, любопытно известие о селении Бугайдид (или Багдадек, т.е. "Малый Багдад") "между Хорезмом и Джендом"¹⁷². В рассказах историков о событиях 1204 г. упоминается Кара-су, один из каналов восточной стороны, через который приходилось переправляться войску до прибытия к Гурганджу¹⁷³. В словаре Якута под словом "Мангышлак" говорится о впадении Амударьи в Каспийское море¹⁷⁴, что явно противоречит другим известиям самого Якута; вероятно, последний в этом случае находился под влиянием Ибн ал-Факиха или какого-нибудь другого раннего арабского географа.

III. ГЛАВА

Опустошение Хорезма монголами в 1221 г. и разрушение плотин совершенно изменили течение Амударьи. О нескольких городах и селениях левого берега говорится, что они были затоплены водой; такой же участи подверглась столица области, Гургандж. Из слов Якута, бывшего здесь незадолго до разрушения города монголами, мы знаем, что плотина Гурганджа требовала ежегодного ремонта; таким образом, после разрушения города и истребления жителей река должна была прорвать ее. По рассказу Ибн ал-Асира, монголы сами разрушили плотину, после чего "вода хлынула и затопила весь город; строения разрушились, и место их заняла вода"¹⁷⁵. Однако, по словам других историков, некоторые из зданий города уцелели¹⁷⁶. В 1900 г. в развалинах Кунят Ургенча в основании одной древней башни была найдена свинцовая плита с арабской надписью, из которой видно, что башня была построена в 401/1010—11 г.¹⁷⁷; эта находка показывает, что в развалинах города и до настоящего времени сохранились некоторые здания домонгольского периода.

Насколько можно судить по приводимым ниже известиям, река после монгольского нашествия снова направилась к Сарыкамышу. Рукав, о котором рассказывает Ибн Русте, не только был восстановлен, но даже сделался главным руслом. Город Гургандж, восстановленный через короткое время после своего разрушения¹⁷⁸ и получивший от монголов название Ургенча¹⁷⁹, очутился теперь, по картинному выражению географа XIV века ал-Омари, "между двумя рукавами Джейхуна, похожими на шаровары"¹⁸⁰. Многочисленные известия различных авторов, которые будут приведены ниже, показывают, что главным рукавом реки был протекавший к югу от Ургенча. Отголоском наводнения, постигшего всю страну, особенно местность от Ургенча к Сарыкамышу, является, по всей вероятности, легенда о Хаким-Ата, могила которого в месте Бакырган, к западу от "города Хорезма", сорок лет стояла под водой: вскоре после смерти святого Амударья, "протекая из области города Кята, затопила Бакырган"¹⁸¹.

К сожалению, мы для XIII века (после события 1221 г.) не имеем сколько-нибудь подробных сведений о Хорезме, хотя страну еще в 1246 г. посетил на пути к монголам Плано Карпини¹⁸². Астроном Кутб ад-дин Ширази, умерший в 1310 г., говорит об изменении течения Амударьи, по-видимому, только подошедшим до него темным слухам и объясняет непостоянство течения только песчаным характером местности: "Джейхун хорезмийский по той причине, что проходит по пескам, не всегда течет по одному направлению, но направляется в разные стороны; поэтому он впадает то в Абескунское (Каспийское) море, то в Хорезмийское озеро, занимающее пространство в 100 фарсахов; между ним и Абескуном двадцать дней пути. Таким же образом и Сейхун, т.е. Ферганская река (Сырдарья), вытекающая из отдаленнейших мест востока и области тюрок, впадает то в Абескунское

[море], то в это озеро"¹⁸³.

Подробные известия об изменившемся течении Амударьи впервые дал персидский географ Хамдаллах Казвини в своем сочинении "Отрада сердец" (*Нузхат ал-кулуб*), написанном в 1339 году. Рассказ его об Амударье приведен мною в другом месте¹⁸⁴; здесь я позволю себе повторить только ту часть рассказа, где говорится об устьях реки: "Некоторые протоки изливаются в Хорезмийское озеро; главный рукав Джейхуна, пройдя через Хорезм, низвергается с перевала Хульм, который по-тюркски называется Герледи; шум его слышен на два, даже на три фарсаха; после этого [река] впадает в Хазарское море в земле, которую называют Халиджаном; там живут рыбаки. От Хорезма до моря 6 переходов".

Рассказ Хамдаллаха Казвини о водопаде, с приведением тюркского названия¹⁸⁵ последнего, очевидно, не мог быть заимствован у классических писателей; по-видимому, этот рассказ может быть отнесен только к Узбою и может быть признан доказательством, что в Узбое в эту эпоху снова протекала вода. Некоторое сомнение возбуждают, во-первых, название местности Халиджан; во-вторых, указанное расстояние от Хорезма до "моря": в 6 дней можно было дойти от столицы Хорезма только до Аральского моря (мы видели, что такое же определение расстояния дает Бекран) или до Сарыкамыш, но никак не до Балханского залива. Насколько известно, автор сам никогда не был в Хорезме; по-видимому, он слышал как рассказы об Узбое, так и рассказы о рукавах реки, впадающих в Аральское море, и в своем изложении ошибочно отнес к первому некоторые данные, рассказанные ему о последнем.

Что Хамдаллах Казвини действительно был убежден в том, что главный рукав Амударьи с XIII века стал впадать в Каспийское море, видно также из его рассказа об этом море, особенно об исчезновении острова (может быть, полуострова) Абескун: "Абескун теперь скрыт под водой по той причине, что Джейхун, прежде впадавший в Восточное море, расположенное напротив страны Яджудж и Маджудж, около времени появления монголов изменил направление и стал впадать в это море. Так как море не соединено с другими, то по необходимости [река] присоединила к морю часть суши, для уравнения прихода и расхода". Интересно еще замечание Хамдаллаха Казвини, будто в его время Хазарское (Каспийское) море было отделено от Франкского (Черного) только горами, занимавшими пространство в 2 или 3 фарсаха. Прежде пространство между двумя морями, по его словам, было гораздо значительнее, но потом Черное море затопило часть суши и образовало новый "залив Искендера"¹⁸⁶. Расстояние между Азовским и Каспийским морями, конечно, не было так незначительно, как рассказывает автор; но что оно в эту эпоху значительно уменьшилось, подтверждается и другими источниками. Хамдаллах Казвини говорит о расширении Черного или, вернее, Азовского моря; по словам генуэзца Марино Санудо, писавшего в 1325 г., происходило также возвышение уровня Каспийского моря и затопление его западных берегов: "Был прежде водоворот, куда опускалась вода моря, но он был закрыт землетрясением; с тех пор море прибывает каждый год на одну ладонь (*palme*), и уже несколько хороших городов были разрушены, так что в конце концов Каспийское море соединится с морем Таны" (Азовским)¹⁸⁷.

Водоворот, о котором говорится здесь, упоминается уже у географов X века и находился близ полуострова Мангышлак. Из слов Хамдаллаха Казвини¹⁸⁸ мы знаем, что действительно существовало мнение, будто здесь вода Каспийского моря стекала в Черное; другие, как видно из приводимых ниже слов автора XV века Джурджани, полагали, что здесь с Каспийским морем соединяется вода Аральского. О возвышении уровня Каспийского моря свидетельствуют также давно известные данные об уровне моря близ Баку в начале XV века, которые мы находим у местного географа этой эпохи, Бакуви¹⁸⁹. Конечно, изменение уровня моря объясняется не только изменением течения Амударьи, но и другими причинами, выяснить которые предоставляем специалистам. Что Хамдаллах Казвини мог иметь довольно точные сведения об Узбое, видно из приведенного им дорожника из Персии, именно из Бистама, через Джурджан и Дихистан в Ургенч; после Дихистана (ныне развалины Мешхед-и-Мисриян) приводятся следующие станции (в фарсахах)¹⁹⁰:

Рабат Кермин (?)	7
Рабат Абу-л-Аббаса	9
Рабат Абу Тахира	7
Город Везаве (или Везаре)	7
Рабат из жженого кирпича	8
Хушабдан ("Место с пресной	7
Рабат Тамгач ("Китайский")	7
Каравангах ("Место	7
Рабат-и Серхенг ("Рабат	9
Минаргах ("Место башни")	7
Мушк-и бини ("Мускус для	8
Рабат-и Марьям ("Рабат	9
Хорезм-и Науду	8
Хульм-и Науду ¹⁹¹	6
Ургенч	4
Всего от Дихистана до Ургенча	110

По-видимому, имеется в виду путь через Кызыл-Арват, где, по всей вероятности, находился город Везаве (?), соответствующий Фераве или Афраве арабских географов X века¹⁹². Теперь главная дорога из Кызыл-Арвата в Куня-Ургенч проходит через Игды и Бала-Ишем, т.е. дважды пересекает Узбой. В то время, когда в русле была вода, дорога, по всей вероятности, огибала его и проходила близ нынешних колодцев Куртыш, где, судя по расстояниям, следует поместить станцию Каравангах. Еще в XVI веке Куртыш, по словам Абулгази, находился на большой дороге из Астрабада в Куня-Ургенч¹⁹³. Здесь начинаются пороги на Узбое; по мнению В.А. Обручева, в этом месте "происходила перегрузка товаров с каюков на верблюдов и обратно"¹⁹⁴. Это мнение находит себе довольно веское подтверждение в самом названии станции Каравангах.

При составлении главы о дорожниках Хамдаллах Казвини пользовался, между прочим, данными официального измерения некоторых путей, произведенного при монгольском султани Персии Худабенде, или Улджэйту (1304—1316)¹⁹⁵. Хорезм не входил в состав владений Улджэйту и был подчинен золотоордынским ханам, но торговое значение Ургенча должно было привлекать и персидские караваны, так что чиновники Улджэйту, производившие измерение путей, имели основание собрать сведения и об этой дороге. В конце того же царствования, в 1315 г., был даже произведен набег на Хорезм из Хорасана, но, судя по немногим имеющимся данным об этом набеге, войско шло не из Кызыл-Арвата мимо Узбоя, а из Мерва в Хазарасп и подвергло опустошению главным образом южную часть области¹⁹⁶.

Гораздо чаще посещались Хорезм и Куня-Ургенч с северо-запада. Вместе с образованием Монгольской империи возник новый торговый путь из Европы в Азию, путь от берегов Волги через Сарайчик на Урале, Куня-Ургенч, Отрар и Алмалык. Этим путем пользовались как мусульманские, так с XIV века и европейские купцы. От одного из "странствующих купцов", Бедр ад-дина Хасана ар-Руми, через посредство третьего лица получил свои сведения арабский географ Шихаб ад-дин ибн Фадл-аллах ал-Омари, живший в Египте и Сирии и умерший в 1348 году¹⁹⁷. Бедр ад-дин рассказывал, что между крайними пределами владений Джучидов на востоке и западе, т.е. между Сырдарьей и Дунаем, было около четырех месяцев пути: "Между Сейхуном и Джейхуном — 15 дней, от Джейхуна до Яика — 15 дней, от Яика до Итиля — 10 дней, от Итиля до Дона — месяц, от Дона до Торлу (Днестра) — 10 дней, от Торлу до Дуная — один месяц. Джейхун и Итиль поворачивают к Кульзумскому¹⁹⁸ (Каспийскому) морю, а Сейхун течет среди тростников и песков ниже города Дженда три дня и здесь сворачивает. Остальные упомянутые выше реки направляются к морю Оманскому¹⁹⁹. Эти 7 рек [текут] в этом государстве; из них до Мавераннахра доходят Сейхун и Джейхун. Вернее, говорю я (ал-Омари), что Джейхун поворачивает в соленое озеро, приблизительно в 100 фарсахов [в окружности], в которое впадает и река Шашская. Кто же полагает, что Джейхун впадает в море Кульзумское, тот ошибается: ему показалось это только так вследствие величины этого озера. Между устьем Джейхуна и рекою Шашской

около десяти дней пути. Это озеро известно под названием Хорезмийского; посередине его²⁰⁰ (sic) гора, называемая Чагыр; у нее замерзает вода, которая остается [в таком виде] до лета²⁰¹. Из последних слов видно, что автор сопоставляет рассказ Бедр ад-дина с книжными известиями, заимствованными у географов X века, и отдает предпочтение последним.

В другом месте ал-Омари ссылается еще на одного очевидца, толмача Шуджа ад-дина Абд ар-Рахмана ал-Хорезми, но, по-видимому, не вполне точно передает его показания и примешивает к ним книжные известия. По этим данным, "расстояние Сарая от Хорезма — около 1,5 месяца [пути], между ним (Хорезмом) и Сараем — города Хива²⁰² и Кутлукент...²⁰³. Есть там гора, называемая "Горою добра из Хорезма"; на ней известный ключ, к которому приезжают люди, одержимые хроническими болезнями. Они остаются у него семь дней и каждый день купаются в воде его утром и вечером и после каждого купания пьют ее до тех пор, пока не напьются вдоволь и не получают исцеления²⁰⁴. [Город] Хорезм [лежит] на Джейхуне между двумя рукавами его, похожими на шаровары. В Хорезме 100 домов еврейских и 100 домов христианских, не более; им (евреям и христианам) не разрешено иметь больше этого. К Хорезму прилегает кругловатая земля; называется эта кругловатая земля Мангышлаком. Длина ее — пять месяцев [пути] и ширина такая же²⁰⁵ (!). Вся она [представляет] степь, и жители ее — многочисленные народы из разбойников²⁰⁶. Эту землю отделяет от Джейхуна гора, имя которой Ак-Балкан, на север от Хорасана. Хорезм — область, отрезанная от Хорасана и от Мавераннахра; ее со всех сторон окружают степи. С севера и запада Хорезм граничит с [землями] гузов²⁰⁷, с юга и востока — с Хорасаном; он лежит по обеим сторонам Джейхуна. Главный город его [находится] на северной стороне и носит на хорезмийском языке название Кят. На южной стороне [главный город] Джурджания. В этой области несколько городов; первый пограничный город Хорезма носит название Тахирии, недалеко от Амуля. Поселения простираются одинаково по обеим сторонам Джейхуна"²⁰⁸.

Текст Омари ясно показывает, что в его труде книжные известия перемешаны с рассказами очевидцев. К последней категории, вероятно, следует отнести любопытное известие о положении Балханских гор между Мангышлаком и течением Джейхуна. Кроме того, замечательно, что купец Бедр ад-дин Хорезми, знавший южные и северные, западные и восточные пределы государства Джучидов, не говорит ни слова об Аральском море даже при описании течения Сырдарьи. Когда и по каким причинам произошло изменение направления последней, совершенно неизвестно. Хамдаллах Казвини еще говорит об Аральском море, как о соленом озере, в которое впадают Сырдарья и часть вод Амударьи²⁰⁹. Известно, что в двух днях пути от места впадения Сырдарьи в Аральское море, на расстоянии фарсаха от берега, находился город Яныкент, ныне развалины Джанкент²¹⁰; при осмотре последних Лерх нашел некоторое число джучидских монет XIV века и надгробный памятник 1362 года²¹¹. Из этого видно, что город существовал еще во второй половине XIV века, хотя возможно, что около него в эту эпоху протекало не главное русло реки, а боковой рукав.

Из мусульман, посетивших в XIV веке Хорезм, оставил описание своего путешествия Ибн Батгута, родившийся в 1304 г. в Танжере, проведший в путешествии 30 лет (1325—1355) и бывший в Хорезме в 1333 году²¹². От Сарая до Хорезма Ибн Батгута считает 40 дней пути; по этой дороге "не ездят на лошадях вследствие недостатка корма; арбы возят там только верблюды". Однако Ибн Батгута и его спутники проехали на лошадях до Сарайчика (10 дней от Сарая); река Яик носила название Улу-су ("Большая вода"); на ней был "мост из судов, как мост багдадский". Здесь они продали лошадей и наняли верблюдов.

"Оттуда мы ехали 30 дней быстрой ездой, останавливаясь только по два часа: один раз поздним утром, а другой — на закате солнца... У едущих по этой степи в обычае быстрота [езды] вследствие недостатка свежей травы. Верблюды, которые пересекают ее (степь), большей частью погибают; теми из них, которые остаются [в живых], пользуются только на другой год, после того как они потучнеют. Вода в этой степи [встречается] в известных водопоях через два-три дня; это вода дождевая и скопляющаяся в песчаной почве. Пройдя эту степь и пересекши ее, как нами сказано, мы прибыли в Хорезм. Это один из самых больших, значительных и красивых²¹³ тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами. Он [точно] колеблется от множества своих жителей и волнуется от них, как волна морская. Однажды я поехал по нему верхом и заехал на рынок. Забравшись в середину его и доехав

до крайнего предела давки на место, которое называется Шаур²¹⁴, я не был в состоянии пробраться через это место вследствие чрезвычайной толкотни; хотел я вернуться, но [также] не мог вследствие множества народа. Я растерялся и возвратился [лишь] после больших усилий. Один из народа сказал мне, что в пятницу на этом рынке [бывает] меньше давки, потому что они (хорезмийцы) запружают [в этот день] Кайсарийский базар и другие рынки²¹⁵... За чертою Хорезма — река Джейхун, одна из четырех рек, которые [текут] из рая. Во время стужи она замерзает, как Итиль; люди ходят по ней, и она остается замерзшей 5 месяцев. Иногда ходили по ней в то время, когда она начинала распускаться, и погибали. В летнее время ездят по ней в судах до Термеза и привозят оттуда пшеницу и ячмень. Для спускающегося вниз [по реке] это переезд в 10 [дней]. За Хорезмом [находится] скит, построенный над могилой шейха Неджм ад-дина ал-Кубра, одного из великих праведников²¹⁶.

Из произведений Хорезма путешественник с особенным восторгом говорит о хорезмийских дынях, которые, по его словам, вывозились "из Хорезма в самые крайние земли Индии и Китая". Из Хорезма Ибн Батгута отправился в Бухару; по его словам, "это [составляет] путешествие в 18 дней по пескам, где нет ни села, ни города единого"²¹⁷... Мы ехали 4 дня и прибыли в город Кят. Кроме его, по этой дороге нет [другого] поселения²¹⁸. Из Кята Ибн Батгута отправился "по дороге, известной под названием Сепая"; на этом пути ехали шесть дней по безводной местности, потом прибыли в селение Вабкену (Вафкенд), откуда был еще день пути до Бухары²¹⁹.

Под названием города Хорезма Ибн Баттута, конечно, описывает Ургенч. Как известия об Ургенче после монгольской эпохи, так и направление русла I Кунядарьи показывают, что город находился на правой стороне тогдашнего главного русла Амударьи²²⁰, так что Ибн Баттута на пути из Ургенча в Кят мог переправляться только через боковые протоки реки. Совершенно неосновательно де Гье ставит нашему автору в упрек, что он не упоминает о переправе через Амударью²²¹. Рассказ о путешествии через Кят в Бухару показывает, как мало страна, за исключением столицы, успела оправиться от монгольского нашествия. Слова о "дороге на Сепая" (букв. "три ступени")²²² показывают, что Ибн Баттута покинул берег реки значительно выше Кята; станция Сепая, по рассказу Истахри, находилась в 4 днях пути ниже Амуля (Чарджуя) и в 3 днях выше Даргана²²³. По той же дороге, как мы увидим дальше, совершал свои походы на Хорезм Тимур.

Со времени хана Узбека (1312—1340) получил развитие также упомянутый торговый путь из Европы в Азию. Средоточием торговли Южной России с Европой и мусульманскими странами издавна служил город Судак (собств. Сугдак) в Крыму, впоследствии также основанная генуэзцами Кафа (Феодосия). После 1316 г. в Тане, при устье Дона (ныне Азов), образовалась генуэзская, в 1332 г. венецианская колония²²⁴; этот город сделался исходным пунктом торгового пути на Восток. Наиболее подробные данные об этой торговле дает Бальдуччи Пеголотти²²⁵, находившийся на службе у флорентийской компании Барди и написавший свое руководство для купцов около 1340 года. В этой книге указываются торговые пути, перечисляются термины, употреблявшиеся в разных странах для обозначения базаров и торговых пошлин, даются сведения о товарах, какие где следует покупать, и вообще практические советы купцам. Пеголотти считает от Таны до Хаджи-Тархана (Астрахани; старый город, разрушенный Тимуром в 1395 г., находился несколько западнее нынешнего) 25 дней в арбах, запряженных волами, или 10—12 дней езды на лошадах; оттуда до Сарая — 1 день водой²²⁶, от Сарая до Сарайчика — 8 дней, также водой; можно ехать и сухим путем, но это обходится дороже. От Сарайчика до Ургенча — 20 дней в арбах, запряженных верблюдами; от Ургенча до Отрара — 35 — 40 дней, тем же способом. У кого есть товары, тому лучше заехать в Ургенч, так как здесь всякие товары имеют хороший сбыт; у кого их нет, тому лучше ехать более кратким путем (к северу от Аральского моря) из Сарайчика прямо в Отрар (50 дней). Пеголотти советует брать с собой из Европы полотняные ткани, продавать их в Ургенче и там запасаться *сомами*, т.е. слитками серебра, ходившими в татарских странах²²⁷. Эти подробные инструкции купцам показывают, что если бы в эту эпоху Сарыкамыш соединился с Аралом, т.е. если бы на пути из Сарайчика в Ургенч приходилось переправляться через значительную озерную поверхность, то Пеголотти не мог бы умолчать об этом. Ибн Баттута, как мы видели, также не говорит ни слова о подобной переправе; о ней не упоминает и миссионер Пасхалис,

проехавший в 1338 г. из Таны в Сарай, из Сарая по Волге и Бакинскому (Каспийскому) морю в Сарайчик, оттуда в телегах, запряженных верблюдами, в Ургенч²²⁸.

Еще меньше мы узнаем из европейских источников о Каспийском море и сопредельных с ним странах. Плавание генуэзцев по Каспийскому морю началось, по словам Марко Поло, незадолго до написания его книги, т.е. в конце XIII века; генуэзцы "перевезли сюда свои суда"²²⁹, вероятно, из Дона в Волгу. Целью стремлений генуэзцев был гиланский шелк²³⁰; восточный берег моря не представлял для них ничего привлекательного и, по-видимому, мало посещался ими. Составители довольно многочисленных карт XIV века²³¹, на которых изображено Каспийское море и впадающие в него реки, находились под явным влиянием классических географов, особенно Птолемея. Исключение представляет только так называемая Каталанская карта (*Carta Catalana*) 1375 г.; здесь на восточном берегу помещен целый ряд урочищ, не упомянутых в других источниках. По этой карте в "Сарайское, или Бакинское" море, несколько западнее города Ургенча, впадала "река Ургенча" (*flum d'Organci*); место впадения реки отмечено под названием *Cavo* (мыс) *de Strauga*. Южнее этого места помещены на карте следующие названия (в порядке от севера к югу):

Puma de Sabium. Ogus. Daldozen. Flum Amo. Amo. Cavo d'Oschi. Golf de Dayo. Deystam (Дихистан).

Между устьями "Ургенчской реки" и Яика (*flum Layech*) помещены следующие урочища (в порядке от юго-востока к северо-западу):

Cavo Yancho. Chocinacho. Mebnemeselach (Мангышлак?) *Treftargo* (город). *Golf de Monimentis* (Мертвый Култук)²³².

Некоторые из этих названий, как видно уже из их звукового состава, несомненно представляют тюркские географические термины, но определить истинное произношение названий и действительное местоположение урочищ не представляется возможным. Из того, что устье "*flum d'Organci*" отмечено отдельно от устья "*flum Amo*", заключают, что река впадала в море несколькими устьями²³³. Никаких данных о плавании торговых судов по нижнему течению Амударьи и оттуда по Каспийскому морю мы не имеем. Хейд (Heyd), автор классического труда о левантийской торговле, допускает, что до разрушения города Астрахани товары могли перевозиться из Средней Азии "вниз по Джейхуну через Ургенч и Астрахань в Тан"²³⁴, но не приводит фактических примеров подобных торговых сношений.

Некоторый историко-географический материал дают нам известия о походах Тимура на Хорезм, преимущественно Зафар-наме Шереф ад-дина Йезди. Первый поход произошел в 1372 году. Незадолго перед этим в Хорезме утвердился самостоятельная династия Суфи из рода Кунгат; правитель Хусейн Суфи лет за пять²³⁵ до похода Тимура овладел городами Кятот и Хивой, причислявшимися уже со времени Чингисхана к владениям Чагатайского улуса. Из слов арабских писателей, особенно ал-Омари, можно заключить, что по крайней мере при хане Узбеке Джучидам принадлежал весь Хорезм, до Даргана на юге²³⁶; в рассказе Ибн Батгута граница между владениями Джучидов и Чагатаидов точно не указывается; на китайской карте 1329—1331 гг., обнародованной архим[андритом] Палладием²³⁷, эта граница действительно проведена между городами Кэти (Кят) и Хуалацзыму (Хорезм, Ургенч).

Тимур требовал возвращения этих городов и, получив отказ, начал поход. Войско шло из Самарканда через Бухару и достигло берега Амударьи в месте Сепая; здесь был разбит авангард врагов; оттуда пошли на Кят и взяли этот город приступом. Лерх делает из этого рассказа ошибочный вывод, что в Сепая произошла переправа через реку и что Кят находился на левом берегу²³⁸; о такой переправе нет ни слова. Из Кята двинулись на Хорезм (Ургенч); авангард встретил и разбил отряд врагов у "Гурленского протока" (Джу-и Гурлен), т.е., очевидно, там, где теперь проходит главное русло и где в XIV веке был только боковой проток реки. Хусейн заперся в своей столице и хотел просить мира, но изменил свое намерение, когда получил от одного из военачальников Тимура тайное обещание перейти во время битвы на сторону хорезмийцев. Тогда он вывел свои войска и расположился у "Реки дыни" (Аб-и Кавун), в двух фарсах от города²³⁹. Конница Тимура вплавь переправилась через этот проток; изменник не исполнил своего обещания, и хорезмийцы были разбиты. Тимур осадил столицу; во время осады умер Хусейн Суфи; его брат и преемник Юсуф заключил с Тимуром мир. Было решено выдать племянницу Юсуфа, носившую как внучка хана Узбека прозвание Ханзаде, за сына Тимура, Джехангира; кроме того, конечно, было исполнено требование относительно уступки Кята и Хивы. Тимур

вернулся обратно в Самарканд через Хас²⁴⁰, город, находившийся, по дорожнику Макдиси, на один переход ниже Кята²⁴¹.

Юсуф Суфи уже осенью того же года нарушил договор и разграбил Кят. Весной 1373 г. Тимур снова пошел на Хорезм, но, пройдя через пески, встретил посольство Юсуфа, с извинениями за набег, принял извинение и вернулся обратно²⁴². В 1374 г. состоялась свадьба Джехангира²⁴³, тем не менее Тимур уже в 1376 г. предпринял свой третий поход на Хорезм. Войско пришло в Сепая²⁴⁴; с другой стороны²⁴⁵ к этому же месту должен был прийти военачальник Туркен, наместник Гурзивана и местности по Аб-и Меймене; но тот до прибытия Тимура покинул берег реки и вернулся в свое наместничество, где поднял восстание; Тимур должен был выслать против него отряд. Сам Тимур через Кят дошел до Хаса, откуда вернулся обратно вследствие известия о смутах в его владениях²⁴⁶.

В 1377 г., во время пребывания Тимура в Отраре, Юсуф совершил набег на Бухару и впоследствии заключил в тюрьму посла Тимура, когда тот потребовал объяснений. В 1379 г. снова был предпринят поход на Хорезм. О походе войска до прибытия к столице на этот раз не говорится; сказано только, что войско, "переправившись через Эски-угуз ("Старый проток", вероятно, старое русло реки), окружило город"²⁴⁷. После продолжительной осады, во время которой умер Юсуф Суфи, город был взят и разграблен; знатные люди, ученые, художники и ремесленники были уведены в Кеш (Шахрисабз)²⁴⁸, где в следующем году году хорезмийскими мастерами был построен дворец Ак-Сарай²⁴⁹.

Хорезму еще раз пришлось испытать на себе гнев Тимура в 1388 году. Зимой 1387—88 г. Тохтамыш совершил набег на Мавераннахр; жители Хорезма приняли его сторону²⁵⁰; Тимур, находившийся в то время в Персии, поспешно вернулся в Самарканд, после чего враги бежали, оставив в Хорезме одного из джучидских царевичей, Иль-ыгмыш-оглана, и члена местной династии Сулеймана Суфи. Тимур прибыл в место Эгри-яр ("Кривой яр"); авангард переправился через "речку Багдадек" (очевидно, один из северных протоков Амударьи), где захватил патруль врагов. Тимур на дальнейшем пути переправился через "проток Чедрис" (Джу-и Чедрис); там же он получил известие, что оба предводителя врагов бежали к Тохтамышу. Отряд, посланный для преследования бежавших, прошел через места Кумкент и Кыр, настиг врагов и нанес им большой урон. Кумкент, как видно из сочинения Абулгази²⁵¹, находился к западу от Ургенча, на расстоянии фарсаха к востоку от города Везира. Заняв город Хорезм (Ургенч), Тимур отдал приказ переселить всех жителей в Самарканд, а самый город сровнять с землей и на месте его посеять ячмень. Разграбление города продолжалось десять дней²⁵². Только в конце 1391 г., после возвращения Тимура из похода на Тохтамыша, было дано разрешение восстановить город; назначенный Тимуром наместник Мусаке восстановил один из кварталов Ургенча, именно так называемый квартал *каана*²⁵³, который в прежнее время вместе с Кятом и Хивой считался собственностью чагатайских ханов. Еще при Шереф ад-дине Йезди, писавшем в 1425 г., новый город Ургенч состоял только из этого квартала²⁵⁴.

В рассказе о походах Тимура на Хорезм Узбой не упоминается; тем более драгоценен приведенный мною в другом месте²⁵⁵ рассказ историков об отправлении в 1392 г. правителей Мазендерана, сейидов, с южного берега Каспийского моря в Хорезм на судах. Наиболее подробно рассказывающий об этом событии Захир ад-дин ал-Мар'аши, мазендеранец по происхождению, сам происходил из рода сейидов и говорит о плавании со слов своего отца, которому в то время было 12 лет. По его словам, Тимур, прибыв в Сари, приказал "приготовить суда в гаванях и отправить сейидов, посадив их на суда, в Мавераннахр. Согласно приказанию, продержали сейидов в крепости, пока не были готовы суда, назначили эмира, пользовавшегося доверием, с несколькими людьми из стражи составили инструкцию и вручили ее тому доверенному лицу, с тем чтобы, когда судно с сейидами достигнет такого-то места на реке Джейхуне, высадить их на берег, дать им подводы и отправить каждого из них в то место, которое указано в инструкции. Согласно высочайшему повелению посадили сейидов на судно, отвезли их в Огурчу и таким же образом из Огурчи по реке Джейхун до определенного места, там высадили их и распределили по различным областям согласно инструкции".

Можно только пожалеть о том, что Захир ад-дин не сообщил нам названия места высадки; очевидно, суда могли доходить только до порогов на Узбое. Насколько нам известно, здесь впервые названо урочище Огурча, которое, как мы увидим дальше, упоминается у авторов XV и XVI веков как место впадения Амударьи в Каспийское море. В настоящее время только один остров носит название "Огурчинского"; в половине XVIII века,

по словам Вудруфа, бывшего здесь в 1743 г., так называлась целая группа островов²⁵⁶; может быть, в Средние века существовало место с подобным названием и на материке. Судя по правописанию большей части рукописей, первоначальная форма этого названия — Агрыча или Огурча, от слова *агры* или *огру* (по-киргизски²⁵⁷ уру) "вор, разбойник"; перестановка звуков могла произойти впоследствии, может быть, уже под русским влиянием.

IV. ГЛАВА

Мусаке оставался правителем Хорезма до смерти Тимура (1405). Во время смут, последовавших после этого события, Хорезм (в конце того же или в самом начале следующего года) снова вошел в состав государства Джучидов, которым тогда полновластно распоряжался известный мирза Едигей. Когда Едигей в 1410 г., после вступления на престол хана Тимура, подвергся опале, он нашел убежище в Хорезме. В рассказе об этих событиях²⁵⁸, между прочим, упоминается место Сам²⁵⁹, в 10 днях пути от Хорезма (Ургенча). По-видимому, следует читать Шам; по русским расспросным сведениям начала XVIII века, так назывался город на пути в Ургенч, в трех днях быстрой и в шести днях медленной езды от берега Эмбы; всего от берега Эмбы до Ургенча ехали не более 10 дней²⁶⁰.

Смутами в Хорезме воспользовался Шахрух, чтобы в 1412 г. отправить туда отряды из Хорасана и Мавераннахра и после некоторого сопротивления восстановить свою власть в стране (в начале 1413г.). Правителем Хорезма был назначен эмир Шах-Мелик, оставшийся в этой должности до своей смерти (1426)²⁶¹.

К эпохе управления Хорезмом Мелик-шаха относятся те сведения об Амударье, которые мы находим у Хафиз-и Аbru, придворного историка и географа султана Шахруха. Та часть его географической компиляции, в которой говорится об Амударье и Сырдарье, написана в 820/1417 году. Зная по книжным источникам о существовании "Хорезмийского озера" (Аральского моря), Хафиз-и Аbru в самых определенных выражениях заявляет, что "теперь, т.е. в 820 г., этого озера нет; вода Джейхуна проложила себе [новый] путь» и изливается в Хазарское море в месте Герледи"; дальше прибавлено, что "другое название этого места — Агрыча" (или Огурча) и что "после Хорезма река течет большей частью по степи до того места, где изливается в Хазарское море". О Сырдарье сказано, что она "в Хорезмийской степи соединяется с Джейхуном и впадает в Хазарское море"²⁶².

Положение автора едва ли позволяет заподозрить его в том, что он не знал, куда впадает Амударья. Любопытно также его свидетельство, что берега реки после ее выхода из пределов Хорезма большей частью представляли степь, другими словами, что водой Узбоя в то время еще мало пользовались для целей ирригации. Что касается его слов о тождестве названий Герледи и Огурча, то тут им, вероятно, допущена ошибка; как нынешний вид русла, так и приведенный выше рассказ о плавании сейидов в 1392 г. заставляют предполагать, что река протекала еще некоторое пространство ниже порогов, по определению Глуховского — 193 версты. Русло Узбоя исчезает в трех верстах ниже пересечения рельсов железной дороги; здесь начинается Бала-Ишемская низменность, составлявшая в эпоху впадения Амударьи в Каспийское море продолжение Балханского залива²⁶³. Свидетельство Хафиз-и Аbru о соединении Сырдарьи с Амударьей очень любопытно, но пока не находит себе подтверждения ни в каких других источниках. Подтверждается только, что река изменила свое течение и от Дженда направлялась к юго-западу, в пески; еще Бабур говорит о Сырдарье, что "эта река значительно ниже [города] Туркестана вся впитывается в пески и не соединяется ни с какой рекой" (или морем)²⁶⁴. Можно полагать, что в течение небольшого промежутка времени этот проток был так многоводен, что мог доходить до Амударьи²⁶⁵.

Мелик-шаху в 1426 г. наследовал его сын Насир ад-дин Ибрахим; но уже в 1431 г. в страну произвел вторжение с низовьев Сырдарьи юный узбецкий хан Абулхайр²⁶⁶, дед Шейбани; Ибрахим должен был бежать в Кят и Хиву. Вторжение не имело завоевательного характера; по рассказу Абд ар-Раззака Самарканди, узбеки взяли и разграбили Хорезм (Ургенч), после чего ушли в свои степи; Шахрух отправил отряд на кочевья узбеков, который "всех тех дерзких уничтожил и рассеял"²⁶⁷.

По рассказу среднеазиатского историка Абулхайра, Мас'уда Кухистани, который ссылается на слова сына Абулхайра, Суюнч-хана, Абулхайр подверг разграблению только

казну правителей Хорезма, а жителям города не причинил никакого вреда; возвращение в степь было вызвано климатическими условиями Хорезма, неблагоприятно отражавшимися на здоровье войска²⁶⁸. Как бы там ни было, этот рассказ подтверждает, что Абулхайр очистил Хорезм, не оставив в области ни наместника, ни гарнизона. Лет тридцать после этого мы видим Хорезм под властью другого Джучида, хана Мустафы, противника Абулхайра²⁶⁹; о том, когда Мустафа отнял Хорезм у Тимуридов, мы не имеем известий. В 1460 г., по рассказу Хондемира, в Хорезм бежал из Астрабада потомок Тимура Хусейн, соперник тогдашнего главы Тимуридов, султана Абу Са'ида (1452—1469). Направляясь из Астрабада "в сторону Агрычи (Огурчи) и земли Адак", он через 7 дней достиг Амударьи, "переправился на судах и лодках"²⁷⁰, вмешался в происходившие в стране смуты, но в конце года заключил мир с Мустафой и вернулся в Астрабад. В 1461 г. он снова бежал из Астрабада на север, заблудился в местности, где его войско много терпело от "близости моря и обилия глины и грязи", и через 3—4 суток после этого достиг Адака. Поссорившись с ханом Мустафой, Хусейн переправился через Амударью и расположился на берегу протока Асаф-угузу ("Проток Асафа"), где разбил отряд подчиненного Мустафе Османа Суфи и после этого взял город Везир, столицу хана. Жителям Везира, которых Мустафа насильно переселил туда для основания города, Хусейн позволил вернуться в Ургенч²⁷¹.

Город Везир, как видно из этого рассказа, был основан только при Мустафе; по Абулгази, он находился на расстоянии 6 агачей (фарсахов) к западу от Ургенча²⁷², по Дженкинсону — на высоком холме²⁷³, очевидно, на краю возвышенности Устюрт. Мы видели, что на расстоянии фарсаха к востоку от Везира, "на краю кыра" (плоской возвышенности), находилось селение Кум-кент; другое место на краю возвышенности, Баят-кыры ("Баятская возвышенность"), находилось к северу от Везира²⁷⁴. "Проток Асафа", через который переходили на пути от берега Узбоя к Везиру, не упоминается ни в каких других известных источниках. Название Адак есть, по всей вероятности, турецкое слово *адак* (старая форма), или *аяк* — "нога", а в применении к рекам — "низовье", "устье". Хондемир употребляет это название, во-первых, для обозначения всей местности по Узбою, во-вторых, для обозначения урочища на левом берегу его. Туркменское племя, жившее вдоль верхней части Узбоя, носило, по словам Абулгази, название *адакль*²⁷⁵, очевидно, образованное от того же самого слова. Точно определить местоположение урочища Адак мы, к сожалению, пока не в состоянии, хотя это урочище упоминается также в рассказе о действиях в Хорезме Шейбани до завоевания им Мавераннахра, еще в царствование султана Хусейна, который после смерти Абу Са'ида объединил под своею властью все иранские владения Тимуридов и владел также Хорезмом. Об этих действиях Шейбани мы имеем два рассказа, из которых один принадлежит Хондемиру (в том же сочинении *Хабибас-сийар*), другой — анонимному автору сочинения *Нусрат-наме*, написанного для самого Шейбани в 1502 году. В обоих рассказах говорится об одних и тех же событиях, только в различном порядке. По Хондемиру, Шейбани первый раз прошел через Хорезм на пути из Мангышлака в Бухару, причем получил подарки от наместника Хорезма, Насир ад-дина Абд ал-Халика Фирузшаха, и, по-видимому, не причинил вреда области. Во второй раз Шейбани произвел набег на Хорезм. В отсутствие наместника, между прочим, два дня бился под Везиром с хорасанскими войсками без решительного результата, оттуда пошел на Адак, из Адака — на Астрабад, где разграбил область; из Астрабада он вернулся в Хорезм, в находившуюся в его руках крепость Терсек²⁷⁶, но здесь получил приглашение от монгольского хана Султан-Махмуда и отправился к нему в Отрар²⁷⁷. Автор *Нусрат-наме*²⁷⁸ прежде рассказывает о набеге, который, по его словам, произошел в 891 г., в год лошади (1486). Военные действия под Везиром в этом рассказе подробно описываются в качестве геройского подвига узбеков. Под Везиром соединились два десятитысячных отряда из Хорасана, из которых один был приведен Абд ал-Халиком "по хивинской дороге", другой прошел через Адак, где (как показывает употребление глагола *бастурмак*) проложил себе путь силой²⁷⁹. С другой стороны, у Шейбани было всего 600 человек; с этими силами он с утра до вечера бился с двадцатитысячным войском врагов и заставил его отступить в крепость. Хорасанское войско направилось через некоторое время из Везира в Ургенч, откуда был распушен ложный слух о прибытии в Хиву нового десятитысячного отряда под начальством сына султана Хусейна. Шейбани сдал находившийся в его руках Терсек Султан-Махмуд-хану и оставил здесь свой багаж, а сам "взял оружием Адак, который до тех пор не удалось взять оружием ни одному царю"²⁸⁰, на дальнейшем пути "перешел через Феравские горы"²⁸¹ и произвел набег на Астрабадскую область, после чего вернулся в Хорезм. Когда Шейбани возобновил осаду

Везира (по-видимому, в следующем году), то отправление из Хорасана тридцатитысячного отряда под начальством сына Хусейна и возмущение некоторых узбекских военачальников побудили его снять осаду и удалиться на зимовку в Мангышлак. Из Мангышлака он (очевидно, следующей весной) пошел через Хорезм на Бухару, получил в Хорезме подарки от Абд ал-Халика и прибыл на Сырдарью, к озеру Каракуль.

Из приведенного рассказа видно, что через урочище Адак проходил в XV веке один из главных путей в Хорезм; упоминание "Феравских гор" заставляет предположить, что на этом пути переходили через горы Копет-Даг около Кызыл-Арвата и что, следовательно, Адак находился около порогов на Узбое. По-видимому, местные туркмены не подчинялись ни Хорасану, ни Хорезму; урочище Адак было так сильно укреплено, что взять эту крепость до Шейбани не удалось ни одному владетелю. К сожалению, в рассказе о действиях Шейбани нет никаких подробностей о пути узбекского войска от Везира до Адака²⁸²; рассказ Хондемира о походе Хусейна в 1464 г. также очень краток и не дает нам сведений о том, где происходила переправа через Амударью и проходила ли дорога к востоку или к западу от Сарыкамышской котловины (более вероятно, конечно, первое). Все-таки не подлежит сомнению, что в рассказе Хондемира о действиях Хусейна в 1460 г. говорится о течении Амударьи и о переправе через нее на судах в той местности, где теперь находится сухое русло Узбоя. Свидетельство Хондемира тем более заслуживает внимания, что автор, для географических приложений к своим собственным историческим трудам и к *Раузат ас-сафа* своего деда Мирхонда²⁸³, заимствует данные не у Хамдаллаха Казвини, а, подобно большинству компиляторов, у географов X века, с их слов определяет размеры "Хорезмийского озера" и говорит о впадении в него Джейхуна и Сейхуна. В литературе по амударьинскому вопросу это последнее свидетельство Хондемира даже приводилось в доказательство того, что Амударья в его время не могла впадать в Каспийское море²⁸⁴. Уже этот один факт показывает, как осторожно следует относиться к словам компиляторов этой эпохи. Что касается рассказа Хондемира о действиях Хусейна, то о жизни этого государя наш историк вообще оставил нам более подробные сведения, чем все прочие источники, и мог получить эти сведения Герате от приближенных самого Хусейна²⁸⁵. Хондемир родился в Герате 880/1475—76 г. и прожил в этом городе до сдачи его узбекам в 913/1507—08 г. Подобно Мирхонду, он пользовался покровительством известного везира и поэта Мир Али-Шира, который в 904/1498—99 г. вверил ему свою библиотеку²⁸⁶.

Число компиляторов XIV и XV веков, заставляющих Амударью и Сырдарью по-прежнему впадать в Аральское море, довольно велико. Кроме приведенного выше свидетельства Ибн Фадлаллаха ал-Омари в монографии де Гье²⁸⁷ сделана ссылка на труды Абу-л-Фида, Димашки, Ибн Халдуна и некоторых других авторов XIV века; из географов XV века особенное значение придается труду Джурджани, умершего в 881/1476—77 г., вероятно, потому, что этот автор происходил из местности, прилегающей к Каспийскому морю и находящейся только в небольшом расстоянии к югу от Узбоя, следовательно, мог иметь о географических условиях местности более подробные сведения, чем другие. К сожалению, эти ожидания не оправдываются; показания Джурджани обнаруживают безусловную зависимость этого автора от географов X века, и в особенности от Джаханнаме Мухаммеда Бекрана, и потому не имеют, на наш взгляд, никакого самостоятельного значения. Но ввиду того, что де Гье и разделяющие его взгляд противопоставляют свидетельство этого автора показаниям Хамдаллаха Казвини, Хафиз-и Аbru и Абулгази (рассказы Захир ад-дина и Хондемира тогда не были известны), мы считаем нужным привести полностью перевод отрывков, помещенных, в немецком переводе, в монографии де Гье²⁸⁸.

1. "Море Абескунское, Хазарское, Джурджанское — все названия одного и того же моря; ему придают разные названия, так как все эти места лежат вокруг него. Абескун — небольшое селение на берегу моря, в пределах Джурджана и Мазендерана. Вправо от Абескуна — Дихистан, потом Сиях-кух и страна Балхан, потом Мангышлак²⁸⁹, потом Хазар, потом Семендер, потом Дербент хазарский, носящий также название Баб ал-авбаб, и Баку²⁹⁰, потом Ширван, Мукан, Арран, Гилян и Дейлем, потом Табаристан, потом Гурган и прилегающие к нему земли, наконец -Абескун. Длина моря от Абескуна до Хазара (земли хазаров) — 260 фарсахов²⁹¹, ширина — 218 фарсахов. Большие реки (*джейхуны*) изливаются в это море, особенно из Мазендерана, Дейлема и Гиляна. Вода этого моря горько-соленая, кроме тех мест, где в него впадает вода рек и еще не успела смешаться [с морской водой]. И река (*джейхун*) Итиль впадает в это море"²⁹².

2. "Озеро Джендское и Хорезмийское. В пределах Дженда есть озеро, которое называют также Хорезмийским. В окружности оно имеет 100 фарсахов, в диаметре²⁹³ — 32 фарсаха; вода его соленая. Река (*джейхун*) хорезмийская впадает в это озеро, также река шашская и ферганская. Между местом впадения реки хорезмийской и местом впадения рек шашской и ферганской расстояние в 20 фарсахов²⁹⁴. Эти обе большие реки, названные мною, и еще несколько меньших впадают в озеро; хотя его размеры невелики и количество воды незначительно, все-таки оно не прибывает. По-видимому, вода имеет сток; возможно, что это упомянутый выше водоворот в Абескунском море. На берегу озера есть горы, носящие название Чагра".

3. "О реках {*джейхунах*}. Большой проток (*джуй*) называется рекой (*руд*); большая река называется *джейхуном*, хотя [слово] Джейхун собственно есть название той большой реки, которая течет мимо Термеза и впадает в Джендское озеро".

4. "Джейхун хорезмийский. Выше было сказано, что название Джейхун собственно принадлежит этой реке, но что многие прилагают его ко всем большим рекам. Джейхун вытекает в стране Вахан из Тибетских гор, течет мимо пределов Бадахшана; в пределах Хуггалияна и Вахша в него впадают пять больших рек, вследствие чего это место носит название Пенджаб²⁹⁵. Из Кабадиана он получает еще притоки и доходит до Балхской области, протекает между Балхом и Термезом, потом мимо Келифа, Земма и Амуля, наконец достигает Хорезма, где впадает в озеро Дженда и Хорезма. По берегу Джейхуна считают от Бадахшана до Термеза 13 станций (переходов), от Термеза до Земма — 5, от Земма до Амуе — 4, от Амуе до Хорезма — 12, от Хорезма до Джендского озера — 6²⁹⁶. Из Джейхуна отведен большой канал в сторону Кята, который носит название Кят-хоре²⁹⁷. За день пути до прихода к этому каналу²⁹⁸ есть на Джейхуне место, очень опасное для судов, так как русло Джейхуна здесь стеснено двумя горами и вода стремительно низвергается сверху через эту теснину. Там можно провести суда только с большой осторожностью. Зимой поверхность воды покрыта таким твердым льдом, что по нему могут проходить люди и скот. Замерзание начинается со стороны [озера] Дженда и постепенно распространяется до места, лежащего против Хорезма (Кята?)".

5. "Чачская река носит в книгах название Нахр аш-Шаш ("Шашской реки"), так как пишут Шаш вместо Чач. Она вытекает из Туркестана, недалеко от Чигиля, проходит через область Узгенда, потом принимает илакский проток (Ангрен), течет по области Ахсикета, потом через Ходжент, потом через Фараб, наконец через области тюркских и туркменских племен [и впадает] в Джендское озеро"²⁹⁹.

6. "Пустыня между Хорезмом и Хорасаном настолько известна, что не нуждается в более подробном описании. Ширина ее — около 100 фарсахов"³⁰⁰.

Кроме того, де Гуге замечает, что основательное знакомство Джурджани с этими областями видно также из его таблиц широт и долгот, в которых, между прочим, названы гавань Суль на Мангышлаке, колодец Миянгах в степи между Неса и Хорезмом, упомянутый также у Макдиси, рабат Ферова в Джур-джанской области, пограничное место с впадениями гузов, Джурджания, главный город Хорезма, Кят, второй город, и Дарган, последний город в сторону Бухары.

Де Гуге основательно замечает, что только употребление нашим автором слова *джечхун* в нарицательном смысле могло ввести в заблуждение ученых (Эйхвальд и др.), видевших в словах Джурджани доказательство того, что Амударья в его время одним рукавом впадала в Каспийское море³⁰¹. Но трудно согласиться с мнением де Гуге, что показаниями Джурджани доказывается обратное и опровергаются слова Хафиз-и Аbru и других. Самое употребление в конце XV века терминов *Джурджания*, *гузы*, *хазары* и т.п. достаточно показывает, что перед нами только компилятор, черпающий свои сведения из старых книг, а не автор, лично изучивший страну и сообщаящий нам результаты своих исследований. Книжное происхождение всех известий Джурджани, за исключением еще не объясненного названия мангышлакской гавани, может быть документально доказано; в тех случаях, где он отступает от текста своих источников, его слова заключают в себе, как мы видели, явные ошибки и несообразности³⁰².

Так же мало дает нам другой географ, Бакуви, живший в начале XV века. Значение города Баку в эту эпоху видно уже из того, что Каспийское море в то время часто называлось Бакинским. Живя в этом городе, автор имел полную возможность получить подробные и точные сведения о состоянии прикаспийских стран в его время. К сожалению, он не воспользовался этой возможностью; говоря о северном берегу моря, он не называет

ни монголов, ни Сарая, ни Сарайчика, ни Хаджи-Тархана, а выписывает из книг рассказы об Итиле и хазарах³⁰³. Не удивительно, что и этот автор, подобно Джурджани, знает только о впадении Амударьи в Аральское море³⁰⁴.

Мы имеем для XV века еще два свидетельства о впадении Амударьи в Каспийское море, но эти два показания принадлежат авторам, не посещавшим никогда ни Хорезма, ни восточного берега Каспия и не указывающим своих источников. Испанский посол Клавихо, который в 1404 г. на пути в Самарканд к Тимуру переправлялся через Амударью к северу от Балха, называет эту реку Виадме (Аб-и Амуе) и говорит о ней, что она "выходит из гор, протекает по равнинам Самаркандской области и впадает в Бакинское море"³⁰⁵. Ибн Арабшах, автор "Истории Тимура", написанной в 840/1436—37 г., говорит при описании похода Тимура на Золотую Орду о Волге (Итиле): "Впадает она (река) в море Кульзумское (Каспийское), подобно Джейхуну и прочим рекам аджемским (персидским)"³⁰⁶. Ибн Арабшах, вероятно, видел Хорезм, как и устье Волги, собственными глазами: в Астрахани он провел несколько лет³⁰⁷. Оба свидетельства могут быть приведены в дополнение к более подробным данным, без которых они, конечно, не имели бы значения.

Шейбани завоевал Хорезм в 911/1505 г., незадолго до смерти султана Хусейна³⁰⁸. В 1510 г., после поражения и смерти Шейбани, Хорезм на короткое время перешел во власть персидского шаха Исмаила; вскоре после этого произошло новое вторжение узбеков, которым при поддержке местного духовенства, не желавшего примириться с господством шиитов, удалось подчинить себе сначала Везир, потом Ургенч, наконец и южную часть Хорезма и образовать здесь самостоятельное ханство; основателями новой династии были хан Ильбарс и его брат Байбарс³⁰⁹. Сведения об истории этого ханства в XIV веке мы получаем почти исключительно из сочинения хана Абулгази, родившегося в 1603 г.³¹⁰, вступившего на престол в 1643 г. (в Хиве только в 1645 г.) и умершего в 1663 году. Историю своих предков Абулгази, по его собственным словам³¹¹, мог написать только по устным рассказам и преданиям за отсутствием письменных источников; оттого в его рассказах много неясного, особенно по отношению к хронологическим датам; но в тех редких случаях, когда мы имеем возможность проверить его рассказ другими, более ранними источниками, слова Абулгази в общем находят себе полное подтверждение.

В состав нового ханства вошли также города Атека³¹² (Неса, Абиверд, Ду-рун и др.). Атек носил название "Стороны гор" (Таг-бою), в противоположность Хорезму в собственном смысле, или "Стороне воды" (Су-бою), т.е. берегам Амударьи. Вопреки мнению де Гье³¹³, существование такого деления в XVI веке несколько не доказывает, что Амударья в эту эпоху не могла доходить до Балханского залива. Если Узбой в это время был речным руслом, то и тогда расстояние между городами Атека и этой "водой" остается довольно значительным. Балхан, вопреки словам де Гье, не входил в состав Таг-бою; сам де Гье³¹⁴ приводит слова Абулгази, где "туркмены, жившие по берегам Амударьи, в Балхане и Дихистане", названы отдельно от Таг-бою и Су-бою и не причисляются ни к той, ни к другой стороне. К Хорезму в собственном смысле (Су-бою) эта часть берегов Амударьи не могла быть причислена; по Кунядарье ниже Везира, по Сарыкамышу и Узбою никогда не было городов, и местность всегда оставалась в руках туркменских кочевников. Хорезмийские ханы старались и этих кочевников подчинить своей власти и обложить данью, что некоторым из них удавалось. В рассказах Абулгази об этих походах сообщаются некоторые географические сведения; о той же местности говорится также при описании междоусобий среди правителей Хорезма и Атека и при описании набегов хорезмийских узбеков на Астрабад и прикаспийские области, ибо мимо Узбоя вела дорога из Хорезма как в Атек, так и в Астрабад.

Наиболее подробный рассказ Абулгази об Узбое и населении его берегов относится к царствованию Суфьян-хана. Точно определить время этого царствования не представляется возможным; в этом отношении существует разногласие между Абулгази и персидским историком Хайдером Рази. По Абулгази, Суфьян-хан правил "несколько лет"; его брат и преемник Буджуга-хан был современником бухарского хана Убейдаллаха (1533—1539) и шаха Тахмаспа (1524—1576); Буджуга-хан также правил "несколько лет"³¹⁶. Хайдер Рази дает более ясные хронологические указания, но называет Суфьян-хана не предшественником, а преемником Буджуги. По Хайдеру Рази, предшественник Буджуги, умер в 930/1524 г.; Буджуга правил пять лет, после него Суфьян, низложенный в 941/1534—35 г. своим братом Аванешом³¹⁷ (по Абулгази, Аванеш мирно вступил на престол после смерти Буджуги). Подробный рассказ Абулгази о посольстве Буджуги к шаху Тахмаспу и о

женитьбе шаха на дочери Суфьяна не помогает нам разрешить это хронологическое противоречие, так как пока не находит себе подтверждения в персидских источниках³¹⁸. Во всяком случае, кратковременное царствование Суфьян-хана началось и окончилось между 1525 и 1535 годами.

Племя эрсари, жившее около Балхана, убило сборщиков податей хана, который вследствие этого предпринял поход против туркмен. По этому поводу описывается местность по Амударье ниже Ургенча в следующих словах³¹⁹:

"В то время³²⁰ идти от Ургенча к Балхану значило идти от одного аула к другому, так как река Аму, пройдя мимо подножия ургенчской крепости, направлялась к восточному [краю] Балханских гор; дойдя до подножия гор, она меняла направление *кибли* (юго-западное) на западное³²¹, дальше текла к Огурче и впадала в Мазандеранское море. По обоим берегам Аму-Дарьи до Огурчи были пашни, виноградники и рощи³²². Весной [жители] удалялись на возвышенные места; владельцы стад в период оводов и комаров уходили к колодцам, находившимся на расстоянии одного или двух переходов, а после исчезновения комаров возвращались к берегу реки; населенности и цветущему состоянию [местности] не было пределов. От Пишгаха (букв. "Передняя часть", "Фасад") до [урочища] Кары-кичит (букв. "Старушечий брод") жило племя адаклы-хызыр, от (урочища) Кары-кичит до западной стороны Балханских гор по обеим берегам — племя али³²³, оттуда до места впадения [реки] в море — племя³²⁴ тиведжи ("погонщики верблюдов"). Но не будем больше отклоняться от своего рассказа".

Пишгах упоминается у Абулгази несколько раз; из его слов видно, что так назывались колодцы на расстоянии одного большого перехода от Ургенча³²⁵, притом на левой стороне реки, так как на пути из Пишгаха в Ургенч приходилось переправляться через Амударью; к Пишгаху приходили направлявшиеся к Ургенчу от колодцев Куртыш³²⁶. Урочище Кары-кичит упоминается только в этом одном месте, так что местоположение его остается неизвестным; вероятно, оно находилось ниже порогов, так как название племени *адаклы*, несомненно, имеет связь с названием урочища Адак.

Суфьян-хан разбил туркмен; остатки их бежали в урочище Чутак, находившееся в трех переходах к северу от Балхана. Абулгази много раз лично посетил это урочище; оно было почти недоступно для нашествия врагов, так как в него вела только узкая тропа, но было совершенно лишено воды; если бы не последнее обстоятельство, то урочище могло бы выдержать без вреда самую продолжительную осаду³²⁷. Недостаток воды заставил туркмен сдаться и прибегнуть к заступничеству младшего брата хана, благодаря которому они получили помилование. Все племена были обложены данью; племена, жившие по Амударье и носившие общее название *уч-иль* ("три племени"), платили десятину со всех пашен; с племен али и тиведжи взимался также налог со стад; племя адаклы должно было доставлять хану нукеров³²⁸.

Все эти подробности в устах автора, достоверность которого вообще признает сам де Гье³²⁹, несомненно, заслуживают внимания и едва ли позволяют принять объяснение рассказа Абулгази, предложенное тем же ученым. Абулгази прожил среди балханских туркмен около двух лет³³⁰ (1639—1641); в это время он, по мнению де Гье, видел русло Узбоя и слышал о нем рассказы от туркмен. Кочевники знали только, что когда-то здесь протекала Амударья; для обозначения далекого прошлого у необразованных людей нет более сильного выражения, как "сто лет тому назад"; такое же выражение о старом русле реки употребили балханские туркмены в разговоре с путешественником Вудруфом, бывшим здесь в 1743 году³³¹. То же самое, вероятно, слышал Абулгази, но понял слова "сто лет" буквально; поэтому он в своих рассказах о походе Суфьян-хана и других событиях первой половины XVI века исходил из того представления, что в эту эпоху река доходила до Балханского залива, и соответственно этому излагает происходившие в этой местности военные действия и т.п.³³². Теперь, когда известны рассказ Захир ад-дина о плавании сейидов и рассказ Хондемира о походах Хусейна, едва ли можно утверждать, что рассказ Абулгази стоит так одиноко среди других известий, как полагал де Гье, и едва ли может быть оправдано безусловно скептическое отношение к этому рассказу, тем более что в самом тексте Абулгази нет никаких неясностей и противоречий. Две странные фразы, отмеченные в монографии де Гье (в одной говорится, что река только от Балхана принимает юго-западное направление, в другой — что пашни вдоль реки составляли "непрерывный ряд"), находятся только в переводе Демезона, которым пользовался де Гье, а не в подлиннике. Де Гье видит "непримиримое противоречие"³³³ еще в том, что жители берегов реки, с одной

стороны, описываются как земледельцы, с другой — кочуют летом и осенью со своими стадами; дорога вдоль берегов реки идет "от аула к аулу" и в то же время вдоль пашен, садов и виноградников. Между тем жизнь современных туркмен по берегам Атрека и Гюргена показывает, что в их быту довольно высокое развитие земледелия не исключает сохранения некоторых привычек кочевой жизни, что совершенно отказываются от перекочевков и остаются круглый год на берегах рек только бедняки, у которых почти нет скота, как и в рассказе Абулгази перекочевывают только "владельцы стад". Если бы у Абулгази говорилось не о туркменских запашках, а о городах и многолюдных селах, то его рассказ находился бы в противоречии с остальными источниками и потому возбуждал бы гораздо больше сомнений.

Несколько лет спустя, в царствование Аванеш-хана, брата Суфьяна и Буджуги, в стране произошли смуты, которыми воспользовался бухарский хан Убейдаллах, чтобы в 1538 г. овладеть Хорезмом. Начало смутам положил, по рассказу Абулгази³³⁴, набег юного Дин-Мухаммеда, сына Аванеш-хана, из Ургенча на Астрабад и Мазендеран. Дин-Мухаммед шел вдоль берега реки до тугая³³⁵ Чекдалик, оттуда к колодцам Динар. Первое урочище упоминается только в этом месте; колодцы Динар, по справедливому замечанию де Гье, отмечаются и на современных картах (к юго-западу от Игды). Отправившись оттуда, Дин-Мухаммед имел столкновение со сборщиком податей Мухаммед-Гази-султана, владельца Дуруна, и отнял у него верблюдов и баранов. За это люди Мухаммед-Гази-султана на обратном пути схватили Дин-Мухаммеда и отправили его в Дурун; часть его свиты, спасаясь бегством, от стыда не решалась вернуться в Ургенч без царевича и осталась "на большой дороге, в Курдыше (Куртыше), прося милостыню у людей". Мимо того же урочища прошел и Дин-Мухаммед, которого его враг связанным отправлял к его отцу. У Куртыша было в то время много аулов; Дин-Мухаммед, стыдясь своих оков, упросил своих спутников не останавливаться там и проехать еще некоторое расстояние. Когда они расположились отдыхать, явились товарищи Дин-Мухаммеда, перебили стражу, освободили своего султана и вместе с ним вернулись в Ургенч, где он тотчас принял меры для отмщения своему врагу.

Убейдаллах, завоевав Хорезм, оставил в Ургенче своего сына Абд ал-Азиза³³⁶. Хорезмийские царевичи, избежавшие бухарского плена, удалились к Дин-Мухаммеду, который во время предшествовавших смут овладел Дуруном. Некоторые царевичи из Ургенча переправились через реку на судах, так как "в то время между Ургенчем и Везиром ходили суда"³³⁷.

Дин-Мухаммед и его союзники решили идти на Ургенч и на пути остановились в Куртыше; здесь они созвали знатных людей племен адакпы-хы-зыр³³⁸, просили у них помощи и обещали им в случае успеха свободу от податей и почетное место на левой стороне, наравне со знатными узбекскими родами. Туркмены доставили им 1000 человек, вместе с которыми войско царевичей достигло трех тысяч; с этими силами они дошли до Пишгаха, но не решились продолжать путь на Ургенч, а направились в сторону Живы и Хазарас-па³³⁹. Победа их в этих местах заставила Абд ал-Азиза очистить Ургенч и освободила страну от бухарского ига.

После ухода бухарцев в Хорезме возобновились смуты; в рассказах Абулгази об этих событиях нет данных о местностях по Узбою. Эти смуты окончились в 1558 г. возведением на престол Хаджи-Мухаммеда, или Хаджим-хана (деда Абулгази), под непосредственным управлением которого сначала находился только город Везир³⁴⁰. В том же 1558 г. в Хорезм прибыл англичанин Антоний Дженкинсон — насколько известно, единственный европеец, посетивший в XVI веке Хорезм и оставивший описание своего путешествия³⁴¹.

Дженкинсон, посланник королевы Елизаветы и агент торговой компании, основанной в Англии для развития торговли с "Московией", приобрел расположение Иоанна Грозного и получил от царя рекомендательные письма, когда отправился из Москвы через Казань и Астрахань в Среднюю Азию, чтобы вновь исследовать торговый путь в Китай. Дженкинсон и его спутники в начале августа³⁴² 1558 г. покинули на корабле Астрахань и плыли к востоку, останавливаясь по дороге несколько раз, между прочим, около устьев Яика и Эмбы. Мели около входа в Мертвый Култук заставили их быстро повернуть на юг; "чем дальше они плыли, тем выше становился берег"; наконец они достигли залива, где южный берег был выше северного; здесь около мыса их настигла буря, продолжавшаяся три дня. Текст Дженкинсона в этом месте крайне неясен³⁴³, но, по-видимому, его слова надо понимать в том смысле, что буря помешала им достигнуть мангышлакской гавани, находившейся "на 12 лье (36 англ. миль) внутри одного залива", и заставила их пристать к низменному

(северному) берегу того же залива³⁴⁴. Оттуда они отправили людей к местному правителю и, получив от него благоприятный ответ на свою просьбу — дать средства для путешествия в Везир, 3 сентября покинули свой корабль. Несмотря на некоторые притеснения со стороны туркмен, англичане 14 сентября могли отправиться в путь, "образуя караван в 1000 верблюдов". По справедливому замечанию де Гук³⁴⁵, англичане, конечно, не могли бы приобрести такого количества верблюдов в той пустынной местности, где сперва высадились; едва ли они даже нуждались в таком количестве для привезенных ими товаров; очевидно, они пристали к большому каравану, направлявшемуся из Мангышлака в Хорезм.

Через пять дней караван прибыл во владения Тимур-султана, правителя Мангышлака, который взял с Дженкинсона в виде пошлины девятую часть его товаров, ценностью в 15 рублей, но зато дал ему охранный лист и коня ценностью в 7 рублей³⁴⁶.

Этот Тимур-султан, брат Хаджим-хана, упоминается и у Абулгази³⁴⁷. Покинув ставку султана, караван шел "20 дней"³⁴⁸ по пустыне от берега моря, не встречая ни города, ни жилищ, неся с собой съестные припасы для всего этого времени; необходимость вынудила нас (очевидно, припасы оказались недостаточными) съесть одного из моих верблюдов и лошадь; то же самое сделали и другие. Все эти двадцать дней мы не встречали воды, кроме той, которую добывали из старых, глубоких колодцев, но и она была очень горькой и соленой; иногда проходило два-три дня даже без такой воды. 5 октября³⁴⁹ мы снова прибыли к заливу Каспийского моря", где "мы нашли воду очень свежей и вкусной". У этого "залива" они уплатили пошлину таможенным чиновникам туркменского царя, остались там день отдохнуть, выехали оттуда 4 октября (sic!) и 7-го прибыли к "замку Sellizure", т.е. к городу Везиру (Шехр-и Везир). О заливе делается еще следующее замечание: "Заметь, что в прежние времена в этот залив впадала большая река Окс, имеющая свои истоки в Паропамисских горах, в Индии; теперь она сюда не доходит, но впадает в другую реку, называемую Ардоком, которая течет к северу, теряется в земле, протекает под почвой около 1000 миль, потом снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай"³⁵⁰.

О Везире говорится, что он "расположен на высоком холме, где живет царь, называемый каном (ханом); его дворец выстроен из земли (из глины) очень плохо и не представляет сильного укрепления; народ беден и ведет только небольшую внутреннюю торговлю. К югу от этого замка — низменная местность, но очень плодородная, где растет много хороших плодов". Из последних названы дыни и арбузы, из хлебных растений Jegug (джугара). Все каналы, орошавшие местности, были проведены "из реки Окса, к великому ущербу для означенной реки; по этой причине она не впадает в Каспийское море, как в прежние времена, и через короткое время, вероятно, вся местность будет разорена и обратится в пустыню вследствие недостатка воды, когда река Окс истощится"³⁵¹.

Передав Хаджим-хану письма московского царя и получив от него охранный лист, Дженкинсон 14 октября уехал из Везира и 16-го³⁵² прибыл в Ургенч, где, так же как в Везире, заплатил пошлину и получил охранный лист от местного правителя Али-султана, который, как мы знаем из слов Абулгази, владел большею частью "обоих юртов", т.е. Таг-бою и Субою³⁵³, и был самым могущественным представителем династии, хотя ханский престол занимал его двоюродный брат Хаджим. Город Ургенч находился в равнине и был окружен земляным валом, всего в 4 мили в окружности. Базар состоял из длинной крытой улицы; но вследствие бывших перед тем продолжительных междоусобий значение города совершенно упало; было немного купцов, и даже те были очень бедны, так что Дженкинсон во всем городе не мог продать и четыре куска саржи. Товары привозились из Бухары и Персии, но в ничтожном количестве³⁵⁴.

Только 26 ноября англичане выехали из Ургенча и шли 100 миль вдоль берега Окса, потом "переправились через другую большую реку, называемую Ардоком", где заплатили большую пошлину. О реке Ардок говорится в несколько иных выражениях, чем раньше: "Река Ардок велика и очень быстра, вытекает из упомянутого Окса, проходит около 1000 миль к северу, там теряется в земле, протекает под ней около 500 миль, снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай"³⁵⁵. Дальнейший путь до Кята, куда англичане прибыли 7 декабря, не описывается. Дальше караван шел в небольшом расстоянии от правого берега Амударьи почти до самой Бухары, которой достиг 23 декабря³⁵⁶.

В Бухаре Дженкинсон прожил зиму и убедился в полном упадке торговли между Бухарой и Китаем. В сопровождении послов от владетелей Бухары и Балха он решил вернуться в Россию и на пути пробыл 8 дней в Ургенче и Везире для снаряжения каравана. Здесь к нему присоединились послы из Хорезма, отправлявшиеся в Москву с большим

страхом, так как перед тем долго не было посольств из "Тартарии" в Россию. 2 апреля Дженкинсон выехал из Везира и 23-го достиг берега Каспийского моря³⁵⁷.

Слова о пресной воде и о прежнем течении Амударьи едва ли позволяют сомневаться в том, что Дженкинсон принял за залив Каспийского моря не Айбугир, как думали Ленц и де Гье³⁵⁸, а Сарыкамыш³⁵⁹. На карте Дженкинсона³⁶⁰ изображен длинный залив, который тянется от Каспийского моря к востоку почти до города Везира. Это показывает, что караван мог подойти к Сарыкамышской котловине только с восточной, а не с западной стороны, т.е. что и тогда не было соединения между Аралом и Сарыкамышем. Руслу Амударьи Дженкинсон около Сарыкамыша, по-видимому, не видел, так как впервые упоминает о реке при описании местности к югу от Везира. В Везире ему, по всей вероятности, рассказали, что река уже не доходит до Каспийского моря; он пришел к заключению, что местом прежнего впадения реки мог быть только виденный им "залив".

Вообще текст Дженкинсона в том виде, как он дошел до нас, оставляет крайне неясным вопрос, как представлял себе автор течение Амударьи. В одном месте сказано, что река впадает не в Каспийское море, как прежде, а в другую реку, Ардок; объясняется, что река перестала доходить до моря вследствие множества оросительных каналов, проведенных из нее в окрестностях Везира. Дальше оказывается, что не Окс впадает в Ардок, а Ардок вытекает из Окса, притом значительно выше Везира, так что образование этого протока или увеличение количества воды в нем могло отразиться на условиях орошения в окрестностях Везира, но не наоборот. На карте Дженкинсона проток *Ardock* отделяется от реки *Ougus* и направляется к северу; несколько ниже *Ougus* разделяется на два рукава; северный рукав течет мимо "Urgence" (на правом берегу) и "Shaysure", т.е. Везира (на левом), и теряется в песках; южный — впадает в длинный залив Каспия, т.е. в Сарыкамыш. Но такой вид берегов Амударьи, особенно местоположение Везира, мало соответствует как рассказу самого Дженкинсона, так и другим источникам³⁶¹.

Под Ардоком Дженкинсон, несомненно, понимает нынешнее главное русло Амударьи, Курдер арабских географов, проток, вытекавший из реки несколько ниже Кята. Дженкинсон ехал, вероятно, по той же дороге, по которой в 1333 г. проехал из Ургенча через Кят в Бухару Ибн Баттута и по которой впоследствии шли войска Тимура. Проток, который у Ибн Баттуты совсем не упоминается и еще в эпоху Тимура не имел почти никакого значения, ко времени Дженкинсона обратился в широкий и многоводный рукав, хотя настоящим "Оксом" Дженкинсон все еще мог считать рукав, протекавший мимо Ургенча и Везира. Еще труднее объяснить, как возникло представление Дженкинсона о подземном течении Ардока и о лежащем на далеком севере озере Китай. Из двух мест, где говорится о подземном течении, ближе соответствует представлению самого Дженкинсона, по-видимому, первое; по крайней мере на карте Ардок протекает на север не 1000 миль, а только небольшое расстояние и оканчивается небольшим озером; значительно севернее, на одной широте с Пермью, помещено озеро *Kitaia*, в которое впадает река *Sur* (Сыр) и из которого вытекает река *Oba* (Обь); на левом берегу последней помещен город *Siber* (Сибирь). Можно допустить, как и полагает де Гье, что в воспоминаниях Дженкинсона рассказы об Иртыше и озере Зайсан смешались с рассказами об Аральском море; де Гье приводит слова другого автора XVI века, у которого Иртыш носит название *Arдох*³⁶². На Аральское море, во всяком случае, указывает название реки *Sur*, протекавшей в небольшом расстоянии от Ташкента (*Taskent*), хотя Дженкинсон заставляет реку протекать огромное пространство на север. Замечательно, что на карте в реку *Sur* впадает река *Amow*, протекавшая мимо Бухары (*Boghar*) и Кермине (*Kurmina*); другими словами, Дженкинсон прилагает к Зеравшану название, принадлежащее Амударье, и заставляет Зеравшан впадать в Сырдарью.

Предсказание Дженкинсона, что посещенная им местность обратится в пустыню, исполнилось очень скоро. Абулгази рассказывает, что за тридцать лет до его рождения "река Аму проложила себе путь от тугая Кара-Уйгур, выше Хаст-минаре, направилась к крепости Тук и стала впадать в море Сыра (Сырдарьи); по этой причине Ургенч обратился в пустыню (*чуль*). Население (*ра'ийат*), хотя Ургенч и обратился в пустыню, все-таки осталось жить там; войско (*сипах*) с ханом во главе весной уходило на берега реки Аму обрабатывать поля и после собрания жатвы возвращалось в Ургенч"³⁶³.

Год рождения Абулгази — 1603 г.³⁶⁴; итак, описанное им событие произошло лет через 15 после путешествия Дженкинсона. Урочище Хаст-минаре упоминается у Абулгази несколько раз, притом на левой стороне реки³⁶⁵; де Гье считает его тождественным с местом *Хас*³⁶⁶, которое, как мы видели, упоминается у географов X века и в рассказах о походах

Тимура, но помещается на правом берегу. Мы видели, что Макдиси помещает Хас на расстоянии одного перехода ниже Кята; мы знаем также, что приблизительно на таком же расстоянии от Кята (4 фарсаха) находился исток канала Курдер, нынешнего главного русла. Расположенное в месте разветвления двух главных рукавов реки, селение Хас должно было получить некоторое значение, что подтверждается фактом постоянного упоминания его в рассказах о походах Тимура. Таким образом, указанное у Абулгази место поворота реки действительно соответствует тому месту, где от прежнего главного русла отделяется проток, в который потом направилась вся вода реки. Что касается крепости Тук, то она после поворота реки была одним из ближайших к Ургенчу пунктов на Амударье. В рассказе об одном хорезмийском царевиче Абулгази заставляет этого царевича вечером отправиться из Тука и в полночь достигнуть Ургенча; перед этим тот же царевич рано утром видел стены Ургенча с вершины крепости Тука³⁶⁷. В 1602 г. из одного места немного выше Тука был прорыт канал; вода текла через урочище Куйгун в "горько-соленое море" (аджи тенгиз), т.е. в Арал³⁶⁸. Де Гук полагает, что речь идет о рукаве Куванш-Джарме, теперь обратившемся в главное устье реки³⁶⁹.

По мнению де Гуе, Абулгази преувеличил значение события 1575 (или 1573) г.; его слова "направилась к крепости Тук" являются результатом его "фантастического представления", будто новое русло Амударьи образовалось только в эту эпоху³⁷⁰. В словах Дженкинсона об Ардоке де Гук видит несомненное доказательство, что уже в середине XVI века главное русло реки, по крайней мере от плотины (Бенд), где отделяется рукав Лаудан (70 верст от Ку-ня-Ургенча), находилось там же, где теперь; событие, рассказанное у Абулгази, могло состоять только в том, что один канал ниже Кята, вероятно Курдер, сделался главным руслом; перемена касалась только части реки ниже Кята и выше Бенда³⁷¹. Что касается протока, направлявшегося к Ургенчу, то размеры его увеличились вследствие разрушения монголами в 1221 г. плотины, очевидно, потом не восстановленной; оттого проток мог доходить до Везира и дальше; но ко времени путешествия Дженкинсона уже началось засыпание его песками, и вскоре после этого он совершенно высох³⁷². Последнее явление объяснено у Абулгази, по мнению де Гуе, неверно; вероятно, оно было вызвано устройством плотины у Бенда³⁷³; Абулгази слышал рассказы о старом протоке и ошибочно сблизил эти рассказы с туркменскими преданиями о прежнем течении реки к Каспийскому морю³⁷⁴.

Все эти доводы разбиваются о тот простой факт, что Абулгази вовсе не говорит, будто река только около 1575 г. перестала впадать в Каспийское море, а только определяет время, когда река перестала протекать мимо Ургенча. Последний факт имел такое значение в жизни хорезмийских узбеков, что неверное определение времени или причин этого явления само по себе маловероятно. Что событие действительно произошло в царствование Хаджим-хана, доказывается словами современника этого хана, турецкого автора Сейфи, писавшего в 990/1582 г.: "Всевышний бог за что-то прогневался на них (хорезмийцев); реку Джейхун он повернул от Ургенча, столицы Хорезма; теперь река изменила свое течение и стала протекать на расстоянии нескольких дней пути от города"³⁷⁵. Из этих слов видно, что современники объясняли это событие "гневом Божиим", т.е. что оно действительно имело характер неожиданного явления природы, а не было естественным последствием человеческого сооружения вроде плотины.

Едва ли необходимо понимать слова Абулгази в том смысле, будто река в это время прорыла себе совершенно новое русло, а не направилась по одному из существовавших каналов. Проток, направлявшийся к Аральскому морю, несомненно, существовал гораздо раньше, хотя вполне возможно, что только после рассказанного события он стал достигать Арала. По крайней мере, нет никаких доказательств противоположного; даже рассказ Дженкинсона заставляет предполагать, что "Ардок" терялся в песках до достижения того озера, в которое впадал Сыр. Соединение Сырдарьи с Аральским морем, очевидно, было восстановлено значительно раньше, но о том, когда это произошло, мы не имеем известий. В упомянутом рассказе о действиях Шейбани около 1486 г. говорится, что когда Шейбани, после возвращения из Адака, вторично осаждал Везир, некоторые беки остались "у места впадения Сыра"³⁷⁶, но из текста не видно, говорится ли о впадении Сыра в Амударью (как у Хафиз-и Абру) или в Аральское море. Из того, что Абулгази называет Аральское море "морем Сыра", можно заключить, что, по его представлению, река всегда текла в это море. Вопреки мнению де Гуе, маловероятно, чтобы местность по нижнему течению Сырдарьи в эту эпоху жила одной жизнью с Хорезмом. Абулгази говорит, что от города Везира прежде

зависело несколько городов, имевших каждый своего правителя, но что ко времени завоевания Хорезма узбеками осталось только два таких города, Терсек и Яны-шехр³⁷⁷. Де Гье считает этот Яны-шехр тождественным с известным городом на нижнем течении Сырдарьи³⁷⁸; но в таком случае зависимость города от Везира, от которого он был отделен еще более обширным расстоянием, чем от Ургенча, становится совершенно непонятной.

Во время междоусобий, предшествовавших бухарскому завоеванию 1538 г., Султан-Гази-султан (брат убитого Дин-Мухаммедом Мухаммед-Гази) стоял в Везире, Аванеш-хан и его сторонники — в Ургенче; Султан-Гази ожидал помощи из Яны-шехра, но правители этого города медлили, так что Аванеш-хан предупредил их, разбил войско Султан-Гази у Кумкента и занял Везир. Царевичи, отправившиеся из Яны-шехра, недалеко от Везира узнали, что Султан-Гази выступил к Кумкенту, быстро двинулись туда, но нашли там только поле битвы со множеством трупов и узнали о поражении и смерти своего союзника. Вместо того чтобы вернуться в Яны-шехр, они направились в Бухару, причем прошли "выше Ургенча"³⁷⁹. Из этого рассказа можно заключить, что Яны-шехр находился в довольно значительном расстоянии от Везира, но, вероятно, в западном или северо-западном направлении. Это подтверждается тем, что первый владетель этого города, Байбарс, брат Ильбарса, постоянно совершал набеги на балханских и мангышлакских туркмен³⁸⁰.

Из слов Абулгази видно, что после поворота реки земледелие в окрестностях Ургенча, следовательно, и ниже вдоль прежнего русла, стало невозможным. Из жителей Ургенча земледелием занимались только узбеки, вероятно, обрабатывавшие поля при помощи рабов³⁸¹. Они должны были перенести свои пашни на берег нового русла, но после жатвы возвращались в Ургенч, где продолжали жить горожане, сарты, очевидно, занимавшиеся исключительно ремеслами и торговлей. Таким образом, для орошения полей воды было слишком мало, но в течение некоторого времени еще оставалось вполне достаточное количество для питья. Не только в Ургенче и Везире, но и вдоль Узбоя жизнь прекратилась не сразу. Туркменское племя эрсари, вытесненное мангытами (ногайцами) с Мангышлака, удалилось к колодцам Куртыш и Орта-кудук (Орта-кую); в 1595 г. сюда прибыли из Персии Хаджим-хан и его сыновья получили от эрсари 500—600 человек и направились дальше через Пишгах к Ургенчу³⁸².

Везир в последний раз упоминается у Абулгази под 1623 г.; в этом году вступил на престол старший брат Абулгази Исфендияр-хан и дал в удел самому Абулгази Ургенч, а младшему брату Шериф-Мухаммеду — Везир³⁸³. Абулгази и Шериф-Мухаммед возмутились против своего брата, но не имели успеха; около 1625 г. ургенчские узбеки рассеялись; часть их ушла в Бухару, часть к казакам (киргизам) и часть к мангытам (ногайцам)³⁸⁴. Через несколько лет 200 богатых узбекских семейств вернулись из Бухары, но поселились не в Ургенче, а в Арале³⁸⁵ — географический термин, впервые встречающийся в эту эпоху.

Под Аралом, по словам Абулгази, понимали "место, где река впадает в море"³⁸⁶. Так как слово "Арал" значит "остров", то, по мнению де Гье, это название могло прилагаться к дельте реки, т.е. к острову, образованному ее главными рукавами и морем, но возможно, что так назывался какой-нибудь местный владетель: у Абулгази встречается и личное имя Арал³⁸⁷. Первое предположение кажется нам более основательным. Итак, Аралом первоначально называлась дельта реки, и уже отсюда море, в которое впадала река, получило название Аральского.

Ургенч в качестве торгового города существовал еще во второй половине XVII века³⁸⁸, может быть, и позже; но постепенно жизнь из Ургенча и Везира перешла отчасти в дельту Амударьи, отчасти в южные города ханства, которые теперь получили главное значение. Ургенчское, или, по русской терминологии, "Юргенское", ханство превратилось в "Хивинское"³⁸⁹. Еще Хаджим-хан в 1598 г., после освобождения страны от бухарского ига, при раздаче уделов оставил за собой Ургенч и Везир; в 1600 г. он уступил эти города своему старшему сыну и отправился в Хиву к своему другому сыну Араб-Мухаммеду³⁹⁰. Последний в 1602 г. наследовал своему отцу и остался в Хиве, хотя несколько раз посещал Ургенч³⁹¹. Исфендияр-хан (1623—1642) также жил в Хиве. Абулгази в 1643 г. был провозглашен ханом в Арале, в 1645 г. занял Хиву и с тех пор всегда возвращался из своих походов в этот город³⁹².

Незадолго до поворота реки, в половине XVI века, начались торговые и дипломатические сношения России со среднеазиатскими ханствами, между прочим - и с Хорезмом. Торговые сношения должны были начаться после 1554 г., т.е. после присоединения к России Астрахани.

По русским источникам, "гости" (купцы) из "Юргенча" прибыли в Астрахань уже в июле 1557 г.; послы "из Юргенча от царя Хаджима" (Хаджим-хана) достигли Москвы в октябре 1558 г.; вместе с ними упоминаются и бухарские послы³⁹³. Очевидно, здесь допущена некоторая хронологическая ошибка, так как ясно, что говорится о том посольстве, которое прибыло из Средней Азии с Дженкинсоном. После этого несколько раз приезжали хорезмийские посланцы в Россию и русские в Хорезм; в 1592 г. персидский гонец, рассказывая в Москве о хорасанских событиях, мог прибавить: "То вам будет самим ведомо от посланника вашего, которой у Юргенского Азима царя"³⁹⁴. Тем не менее мы не находим в русских источниках XVI века никаких известий о повороте реки и вообще никаких подробностей о происходивших в Хорезме событиях.

Первое русское посольство, оставившее описание своего путешествия, относится к 1614 году. Послы Михаил Тихонов и Алексей Бухаров отправились через Хорезм в Персию и выехали из Самары 25 марта; перед этим они собрали сведения о предстоявшем им пути, но могли получить эти сведения только от восточных купцов; из русских в Самаре не было никого, "кто б знал дорогу хотя до Юргенчи, не токмо до Кизылбашской земли (Персии); никто не знает дале Яика"³⁹⁵. Из Самары шли две недели до Яика, оттуда четыре недели до Эмбы, откуда вернули провожатых, взятых из Самары, и отправились дальше в "опчестве юргенских и бухарских тезиков"³⁹⁶. О дальнейшем пути нам известны только расспросные сведения, причем не сказано, насколько эти сведения потом подтвердились. Послам говорили, что "от Енбы реки до Шама лехким делом, о двуконь, три дни, а их ходом, как они в те поры шли, чаеть ходу вдвое. А говорят де бухарцы и юргенцы, что они начаютца от Енбы дойти и до Юргенча в десять ден, а больши де себе тово ходу до Юргенча от Енбы не чают"³⁹⁷. Послами были взяты с собой подарки для разных лиц, между прочим "в тюрхменской земле на Шама царя Арапову свату Хозе (Ходже) пара соболей для того, чтоб тюрхменцом велел лошади и верблюды продавать и в наем давать"; также "на заставе на Куйгу на реке (ниже³⁹⁸: "на Куйгуне реки"), от Юргенчи за 20 верст, ясаулу Кутоку з дьяком 3 пары соболей для того; тотарове хотели сильно рухлядь смотреть и грабить, и он не дал"³⁹⁹.

27 мая прибыли "в Юргенч к царю Арапу... на качевье в торговище Бовод"⁴⁰⁰; из другого места видно, что это кочевье находилось "блиско озера"⁴⁰¹ (Кара-куль?). Из Юргенча выехали 28 июня и 16 июля "пришли в первой шахов город в Дрюнь" (Дурун)⁴⁰². Об этой части своего пути ими раньше были собраны следующие сведения: "...итти им из Юргенч к шаховым городом, на первой на шахов город на Корасан степью, на верблюдох, для того, что место будет безводно; а были в тех местех, куды им будет из Юргенч итти, копани и озера, и те копани и озера юргенской Арап хан царь велел по-засыпать землею, и лошади мертвые метали, и мышьяки сыпали для того, что блюлся от шаха юргенской войны; а то де им ведомо, что шах с юргенским ныне в дружбе: торговые люди на обе стороны торговать ездят"⁴⁰³. Из этого можно заключить, что процесс высыхания страны после поворота Амударьи был искусственно ускорен при Араб-Мухаммеде (1602—1622), опасавшемся нашествия на Хорезм со стороны Аббаса Великого. К сожалению, не сказано, насколько при проезде купцов подтвердились рассказы о полном безводии местности.

Какие сведения об Аральском море, Амударье и Хорезме имелись в Московской Руси в начале XVII века, видно из любопытной "Книги, глаголемой Большой Чертеж", издававшейся несколько раз; мы пользуемся изданием Г.И.Спасского (Москва, 1846), сделанным по поручению Императорского Общества истории и древностей российских. Самый чертеж был составлен или дополнен около 1600 г., а книга к нему написана в 1627 году. По этой книге⁴⁰⁴:

"...От Астрахани Хвалимским морем вдоль до Юргенской земли, 1200 верст, а поперег Хвалимским морем, от усть⁴⁰⁵ реки Яика, до Кизылбашской земли (Персии) 800 верст... А от Хвалимского моря до Синего моря, на летний на солнечный восход прямо, 250 верст. А Синим морем до усть реки Сыра 280⁴⁰⁶ верст, а поперег Синим морем 60 верст. А в Синем море вода солоня. Из Синего моря вытекла река Арзас⁴⁰⁷ и потекла во Хвалимское море. А в реку Арзас с востоку пала река, Амударья⁴⁰⁸; протоку Амударьи реки 300 верст. А Арзаса протоку 1060 верст. А от Синего моря 300 верст Урук⁴⁰⁹ гора; вдоль Уру-ка горы 90 верст. Из горы потекли три реки: река Вор, течет в реку в Яик, в ночь; река Ирғыз, течет в езеро Акбашль, на восток; река Гем, течет на полдень, к Хвалимскому морю, и пала, не дошед до моря, в езеро.

А к Синему морю, от Ирғыз реки 280⁴¹⁰ верст, пески Барсук-кум поперег того песку⁴¹¹ 25 верст; да пески Кара-кум⁴¹² от Синего моря 200 верст. Пески Кара-кум вдоль 250 верст⁴¹³,

а поперег 130 верст. А те три пески прилегли к Синему морю к берегу.

В Синее моря с востоку пала река Сыр... . А противу града Бухара 170 верст потекла река из езера Угус⁴¹⁴, по нашему Бык, в Хвалимское море: протоку 1000 верст. А на реке на Угус град Каган, живет в нем Юргеченского⁴¹⁵ царя брат. А от Каган града 220 верст, к Хвалимскому морю, град Иргенч⁴¹⁶, от реки Арзаза 50 верст; а от Хвалимского моря 400 верст⁴¹⁷. А вод⁴¹⁸ под ним ни рек, ни озер, в чертеже не написано".

Последнее показывает, что чертеж был составлен после поворота реки. Составители чертежа, очевидно, хорошо знали местность к северу от Аральского моря, пески Барсук-кум и Кара-кум, Мугоджарские горы и вытекающие из этих гор реки Иргиз (вернее, его правые притоки) Орь и Эмбу; но об Амударье, Сырдарье и о притоках обеих рек они имели только самое смутное представление⁴¹⁹. "Синим морем" назван, конечно, Арал, хотя еще Дженкинсоном это название прилагалось к одному из заливов в северной части Каспия⁴²⁰. Арзас, вероятно, тождествен с Ардоком Дженкинсона, хотя составители чертежа заставляют эту реку вытекать из Аральского моря и впадать в Каспийское. Де Гук и здесь предполагает смешение с Иртышом⁴²¹, что маловероятно, так как Иртыш назван отдельно, в качестве притока Оби⁴²². Амударья названа два раза, один раз как приток Арзаса, другой раз как река, впадавшая в Каспийское море, причем во втором случае название Угуз по ошибке отнесено не к реке, а к озеру, из которого она вытекала. Под Каганом, по мнению де Гуе, следует понимать Кят⁴²³.

Конечно, данные "Большого Чертежа" не могут служить доказательством, что соединенное Арало-Сарыкамышское озеро еще в начале XVII века существовало и имело связь с Каспийским морем. Более точные данные неопровержимо доказывают, что с того времени до наших дней в бассейнах Арала и Каспия не произошло существенных перемен⁴²⁴.

⁴²⁴ Выводы В.В. Бартольда о нижнем течении Амударьи в исторический период не претерпели серьезных поправок, несмотря на многочисленные геологические и археологические исследования, проведенные за последние десятилетия. Однако эти исследования, не меняя существа выводов В.В. Бартольда, позволяют уточнить ряд положений и проиллюстрировать некоторые из них конкретным материалом. В этом отношении много дали исследования Сарыкамыша и Узбоя, проведенные Хорезмской экспедицией в 1950 — 1956 гг., которым посвящен специальный выпуск «Материалов» этой экспедиции (Низовья Амударьи; там же указана литература).

Сейчас можно считать установленным, что в течение всего неолита через Узбой стекала вода из большого Сарыкамышского озера, куда впадала Амударья; на рубеже III и II тысячелетий до н.э. произошел прорыв вод Амударьи на север в Аральское море через Акчадарью. Поступление воды в Сарыкамыш сократилось, к середине I тысячелетия до н.э. Узбой окончательно пересох, а вскоре вода Амударьи перестала доходить и до Сарыкамыша (Низовья Амударьи. С. 23-25). Причиной этого в значительной мере было создание обширной ирригационной системы, изменившей водный режим дельты.

После разрушения ирригационной системы Хорезма, вызванного монгольским нашествием, часть воды Амударьи вновь стала течь к Сарыкамышу, уровень воды в нем поднялся до 50 м над уровнем моря, но недостаточно для того, чтобы образовался сток по Узбою. Затем уровень Сарыкамыша несколько понизился, но в конце XIV в., после разгрома Хорезма Тимуром, произошел новый прорыв Амударьи, в результате которого вода в Сарыкамыше достигла наивысшего за историческое время уровня — не менее 53-54 м над уровнем моря. «В моменты максимального подъема уровня Сарыкамышского озера вода могла переливаться в Узбой, но лишь в небольших количествах и ненадолго. Именно к этому времени (1393-1417) относятся наиболее важные свидетельства восточных авторов об обводнении Узбоя» (Низовья Амударьи. С. 29-31).

Сток значительной части вод Амударьи в Сарыкамыш подтверждается заметным понижением уровня Аральского моря, в котором в связи с посолонением началось осаждение гипса. В XV в. наблюдается понижение уровня Сарыкамыша, прерванное в

начале XVI в. временным повышением. Окончательно поступление воды в Сарыкамыш прекратилось на рубеже XVI-XVII вв. К этому времени относятся сообщения Абулгази о повороте Амударьи в Аральское море.

Таким образом, выводы В.В. Бартольда, основанные на изучении письменных источников, в самом главном выдержали проверку временем. Тщательные комплексные исследования русла Узбоя показали лишь, что сток по нему был более кратковременным, чем это предполагал В.В. Бартольд, — не с XIII по XV в., а самое большее несколько десятилетий в конце XIV — начале XV века. Кроме того, некоторому пересмотру и уточнению подверглась локализация караван-сараев на караванном пути по Узбою, но сведения, на которые он опирался, оказались достоверными и подтверждаются объективными данными.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Zur historischen Topographic. II. S. 561-562.
2. См. теперь воспроизведение этой карты: *Берг*. Аральское море. С. 44.
3. *Legrand*. Voyages de Basile Vatace. P. 188, 214, 269.
4. *Берг*. Аральское море. С. 52.
5. *Asie Centrale*. Т. II. P. 147 sq.
6. *Das Oxusproblem*. S. 204-214.
7. То же мнение еще ранее было высказано некоторыми русскими исследователями, например, проф. К. Богдановичем (*Берг*. Аральское море. С. 91); ср. также выводы покойного генерала А. Комарова (*Возражения*. С. XI—XII).
8. Об ирригационных сооружениях у Сарыкамыша см.: Низовья Амударьи. С. 236—261.
9. Этот взгляд поддержан также проф. Мушкетовым (*Туркестан*. С. 698 и сл.) и, благодар научному авторитету этого ученого, возведен в ранг несомненной истины, которая не требует больше никаких доказательств.
10. *Берг*. Очерк Аральского моря.
11. *Barthold*. Russische Arbeiten. [1898]. S. 85; idem. Russische Arbeiten. [1901]. S. 46; idem. Russische Arbeiten [1902]. S. 20.
12. *Le Strange*. The Lands. P. 458.
13. *De Goeje*// DLZ, 1905, N 45.
14. Поскольку читатель постоянно отсылается к работе де Гье, мне лично казалось самым целесообразным возможно меньше отклоняться от принятой в этой работе системы транскрипции, проведенной, к сожалению, непоследовательно; впрочем, господину издателю была предоставлена полная свобода решать этот вопрос по своему усмотрению.
15. *Das alte Bett des Oxus*.
16. Статьи: *Хафизу-Абру*. По поводу амударьинского вопроса. К вопросу о впадении Амударьи в Каспийское море. Ср. теперь: *Берг*. Аральское море.
17. В эту ошибку впадает еще Г.Е. Грумм-Гржимайло (*Описание путешествия*. Т. II. С. 5).
18. Фантастическая теория г-на А. Чайковского (*Туркестан*; Его же. Далекое прошлое Туркестана) еще до сих пор вводит в заблуждение некоторых путешественников.
19. *Winckler*. Untersuchungen. S. 111 -112.
20. О Кирополе: *Арриан*. IV. 3, 1; Курций. VII. 6, 20.
21. *Winckler*. Das alte Westasien. S. 137.
22. *Menant*. Les Ache'mAiiides. P. 105. В общем трижды: Bh I, 6; Dar. pers. e, 2; NRa, 3.
23. *Hecataei Fragmenta*, № 172, 173 (FHG, 1, p. 12a).
24. *Forbiger*. Handbuch. S. 452. О месте обитания каспиев ср. теперь также: *Marquart*. Untersuchungen. H. II. S. 28, Anm. Как доказывают слова Страбона (502), каспии вымерли уже в I в. до н.э.
25. Ввиду безлюдности восточного побережья ширина моря, вероятно, определялась по диагонали от юго-восточного берега; еще Истахри замечает, что при благоприятном ветре можно переехать море в ширину от Табаристана (Мазендерана) до Дербента в одну неделю (*Истахри*. 226—227).
26. Коншин (*Разъяснение*. С. 166) и Глуховской (*Пропуск вод Амударьи*. С. 2) ошибочно смешивают Гинд с Индом и вообще неточно передают слова Геродота.
27. *Justi*. Geschichte. S. 390. Маркварт (*Untersuchungen*, H. II. S. 171) считает, что список податных округов "был не совсем удачно соединен из нескольких более древних источников, которые отличались друг от друга уже внешне, определенными формулами".
28. Сарангами (др.-перс. *зрарка*) назывались жители Сеистана, столица которого еще в Средние века носила название Зерендж. Возможно, что в эпоху Геродота тот же народ жил несколько севернее.

- Маркварт (Untersuchungen, H. II, S. 176) отождествляет фаманейцев с арахосцами (жителями области Кандагар).
29. См. мой труд: Туркестан. Ч. II. С. 66.
30. О картине географических условий Внутренней Азии, которую составил себе Аристотель, главным образом по Ктесию, см. теперь: *Bolchert. Aristoteles Erdkunde. S. 37 sq.*
31. Слова Страбона (XI, 11). Контекст показывает, что выражение "в древности" означает "до Александра" (*Бартольд. Еще о самаркандских оссуариях. С. 100.*)
32. Явная ошибка или, вернее, обмолвка Григорьева (*Pittner — Григорьев. Восточный Туркестан. Вып. II. С. 12—13*: "эра, от которой вели хорезмийцы свое летосчисление, 980-ю годами древнее селевкидской, значит, началась она за 678 лет до Р.Х.") ввела в заблуждение Мушкетова (Туркестан. Т. I. С. 45) и Обручева (Закаспийская низменность. С. 17).
33. *Sachau. Zur Geschichte. I. S. 9-19.*
34. *Berger. Geschichte. Bd I, S. 31* с цитатой из *Aristot. meteor. II, 1, 10.*
35. *Арриан. VII, 16, 1-3.*
36. Новейшие ученые относятся к Аристубулу несколько более отрицательно (ср.: *Kaerst. Geschichte. S. 422.*)
37. *Страбон. 509; Scriptorum rerum Alexandri Magni. P. IOOa.*
38. *Berger. Geschichte. Bd IV. S. 36.*
39. Как известно, греки соединяли под этим названием горные цепи, прорезывающие Азию, до Гималаев включительно.
40. *Арриан. III, 30, 7.*
41. На эту аналогию указывает Гутшмид (*Geschichte, Irans. S. 10.*)
42. *Арриан. IV, 15, 4—5.* По Курцию (VIII, 1, 8), хорезмийский владетель, которого он называет Фратаферном, только отправил послов к Александру.
43. *Арриан. IV, 17, 3.*
44. *Demetr., 47.*
45. *Die Fahrt des Patrocles.*
46. О влиянии Патрокла на Эратосфена см.: *Berger. Geschichte. Bd III. S. 58, 69.*
47. *Страбон. XI, 11; Forbiger. Handbuch. S. 32, 78.*
48. Нейманн (*Die Fahrt des Patrocles. S. 179*) полагает, что к низовьям рек ошибочно было отнесено расстояние между ними на пути из Балха к Ходженту, приблизительно соответствующее приведенной цифре.
49. Бергер (*Geschichte. Bd IV. S. 95—96*) справедливо объясняет этот факт восстановлением торгового пути к северу от Каспийского моря.
50. О времени жизни Евдокса см.: *ibid. Bd II. S. 71—72.*
51. *Страбон. 510.*
52. Полибий принадлежит к числу авторов, смешивавших Сырдарью с Доном.
53. *Forbiger. Handbuch. S. 79*: "Hatte man gewuBt, da ihnen (den Scythen) hier gar kein RuB im Wege war und daB weder Oxus noch der Jaxartes so weit westlich bis zum M. Caspium reichen, so wurde man auch schwerlich von diesem wunderbaren Wasserfalle etwas erwahnt finden".
54. *Geschichte. Irans. S. 31.*
55. *Forbiger. Handbuch. S. 76,*
56. *Historia Nat. VI, 19*
57. *Schaefer, Atrib der Quellenkunde. S. 75; Модестов. Лекции. С. 349; Schanz. Geschichte der romischen Literatur. Bd 1, S. 368.*
58. *Gutschmid, Geschichte. Irans. S. 130, 134,*
59. Совсем другой смысл получается при чтении Гардтхауэна: «alii fluvii decurrentes Oxiam nomine paluden efficiunt»; [*Ammian Marcellin / ed. Gardthausen, XX HI, 6, 59*]
60. *Forbiger. Handbuch. S. 76.*
61. *Ibid. S. 77.*
62. О них см.: Бичурин. Собрание сведений. II, 1 — 16; Hirth. Ueber Wolga-Hunnen. S. 249 — 250; *idem. Zur Kulturgeschichte der Chinesen. S. 11 — 12.*
63. *Relation. P 424*: "its son t chошпа 4 un grand lac эапэ шопшйп«э sur ses rivages; c est)a mer du Nordф”..
64. *Geschichte Irans. S. 68*: «ohne feste Ufer», что не вполне соответствует переводу Броссе.
65. В древности и Средневековье — 1/3 версты.
66. Бачурин. Собрание сведений, II, 58.
67. Там же. II, 121; ср.: Hirth. Ueber Wolga- Hunnen. S. 250.
68. Ueber Wolga-Hunnen. S. 251. Шлегель и Маркварт оспаривают это мнение по лингвистическим соображениям; согласно Маркварту (*Untersuchungen. H. II. S. 240*), древнее произношение Am-tsai должно передавать название массагеты, что мне кажется в высшей степени сомнительным.
69. Hirth Ueber Wolga-Hunnen. S. 251.

70. Ibid. S, 248.
71. Ibid. 5, 252 — 253.
72. Geschichte Irans. S. 139 (со ссылкой на: Mailla. Histoire. Т. Ш. Р. 397). В «Истории младшего дома Хань», по переводу Бичурина (Собрание сведений, III, 103), сказано только, что «все 50 владений признали себя зависимыми от Китая и предоставили заложников» и что все государства «до самого моря за 40 000 ли прислали с переводчиками дары двору»; о походе Бань Час до Северного моря не говорится; сказано только, что он «разбил Харашар» (в Восточном Туркестане) По «Истории Северных дворов», Бань Чао «проник на запад даже до Западного моря» (Бичурин. Собрание сведений. Ш. 136).
73. Бачурин. Собрание сведений. Ш. 103,
74. Там же, Ш, 115; Hirth. China and the Roman Orient. P. 39.
75. Бичурин. Собрание сведений. III. 114, 166, Хирт отождествляет Тяочжи с Халдеей (Zur Kulturgeschichte der Chinesen, S. 14).
76. Однако еще Гутшмид (Geschichte Irans. S. 140) приводил его к Средиземному морю. Правильное объяснение дал еще Юл (Cathay. Vol. I. P. LXI).
77. Zur Kulturgeschichte der Chinesen S. 19.
78. Бачурин. Собрание сведений. Ш. 173; Hirth. China and the Roman Orient. P. 48.
79. Так по Бичурину (III. 117 — 118); несколько иначе у Хирта (China and the Roman Orient. P. 42 — 43).
80. (Вуху). Бичурин. Собрание сведений. Ш. 188.
81. Там же, III. 184.
82. Marquart. Die Chronologie. S. 5. Впрочем, предложенное там объяснение названия реки, производимое от иранского йахша-арта («настоящий, чистый жемчуг»), невозможно лингвистически: как доказывают все имена собственные, образованные с арта (греческие Артакоа на, Арта ксата и т д), в этом случае название должно бы было звучать Артайахша».
83. Бичурин, Собрание сведений Ш. 166, Hirth. Ueber Wolga-Hunnen. S. 248 — 249.
84. Nachworte. S. 3, 70.
85. Так по переводу Хирта (Nachworte, S. 70); в «Истории династии Тан», по переводу Бичурина (Собрание сведений. Ш. 244), сказано только, что реки, «текущие на север, проходят через тюркистанские земли и впадают в море».
86. Nachworte. S. 71. В переводе Бичурина (Собрание сведений. III. 245) несколько иное понимание текста.
87. Бичурин. Собрание сведений I П. 58 — 59.
88. Там же. Ш. 246.
89. Там же.
90. Marquart Eransahr. S. 148.
91. Ибн Хордадбех. 135 (франц. пер.).
92. Масуди. Танбих, 66.
93. Marquart Eransahr. S 55. «Малый Балхан», очевидно, назван по ошибке автором, располагавшим, по его собственному признанию, очень скудным картографическим материалом.
94. См. также: Бичурин. Собрание сведений. III. 172.
95. Marquart. Op. cit. S. 58.
96. Табари/ Пер. Нельдеке. I I.
97. Geschichte trans. S. 169.
98. Ср.: Бичурин. Собрание сведений. III. 179.
99. Там же. Ш. 170.
100. Там же. Ш. 166.
101. Табари / Пер. Нельдеке. 131.
102. Об этом говорит и сам Маркварт (Op. cit. S. 58). [С К Кабанов считает что город Боло располагался в Каршинском оазисе и соответствует городищу Еркурган северо-западнее Карши (см.: Кабанов, К вопросу о столице кидаритов)].
103. Табари/Пер. Нельдеке, 158.
104. Ибн Русте. 150.
105. Рассказ об этом посольстве сохранил нам Менандр Протектор в своих Excerpta de legationibus.
106. Khiva oder Kharezmi. S, 24.
107. Табари. II 1238 — 1239. [Позднее город Шаббаз, ныне Бируни].
108. См. Бартольд. Туркестан. Ч. II С. 243, 275 — 276.
109. Так у де Гье (Das alte Bett des Oxus. S. 8); ср. более позднее мнение де Гье о двух редакциях, первая из которых якобы была завершена в 846 — 47 гг, а вторая в 885 — 86 гг. Маркварт (Streifzuge.

5. 390), напротив, старается доказать, что можно говорить только об одной редакции, законченной не ранее 885 — 86 гг.
110. Ибн Хордадбех/ Пер. 135; текст, 173.
111. Бартольд. Туркестан. Ч II С 146, 151 .
112. Китаб ал-булдан. 278.
113. Ибн ал-Факих. 324.
114. Против такого предположения говорит и существование города Курдера, который упоминается у Табари (II, 1525) под 110/728 г.; в этом году здесь произошло восстание против арабов, поддержанное турками,
115. Пропуск вод Амударьи, С. 8.
116. Это замечание в такой общей и категорической форме вряд ли можно считать справедливым. — А. Беленицкий.,
117. Ибн Русте. V — VI. Другая датировка (для меня неубедительная) у Маркварта (Streifziige, S. 25 sq.).
118. В моем труде Туркестан (Ч. II. С ! 50, 153) по ошибке Херавез.
119. Ибн Русте. 91 — 92. Местоположение «Нового селения или Яныкента, как известно, определяется развалинами Джанкент, верстах в 22 к юга-западу от Казалинска и верстах в 5 от бывшего хивинского укрепления Джан-кала. О Джанкенте см.; Чабров История изучения.
120. О Гите у Истахри несколько выше (302) сказано: «Селение Гит, на расстоянии 5 фарсахов от Кудажага (?); это — селение вблизи гор; на той широте нет населенного пункта, кроме него; за этой горой — степь»
121. По-видимому, отсюда вывод Глуховского (Пропуск вод Амударьи. С. 1 — 12), что Курдер «пересекал русло Вадак (Кунядарью) и затем переходил в нижнюю часть русла Даудан». Во всяком случае, слова арабских географов едва ли позволяют отождествлять Медминию с нынешней крепостью Медеммин-капа, как это делает Глуховской.
122. У Ибн Хаукаля (354) — Фератегин/
123. В тексте Ибн Хаукаля (там же) пограничным пунктом названа только Джурджания.
124. Там же.
125. Истахри. 302 — 304.
126. У Ибн Хаукаля (402) вследствие пропуска в тексте сказано, что от Ката до Курдера один переход.
127. Истахри, 341 — 342.
128. См. прим. 119.
129. Ибн Хаукаль. 393. Там же сказано, что ширина реки во время половодья составляет 2/3 ширины Джейхуна.
130. Ср. о нем: Туманский Новооткрытый персидский географ; мой труд: Туркестан. Ч. II. С. 14. Ср. также теперь: Marquart. Streifzuge. S. XXX. [В.Ф.Микорский предполагает теперь, что автором Худуд ал-алам может быть Ибн Феригун, автор Джавами ал-улум (Минорский. Ibn Farighun).
131. Это особенно ясно видно из того места, где Макдиси, не поняв слов Истахри, утверждает, что канал Хазараспа достигает ширины около 1 перехода (Макдиси. 292); у Истахри то же самое сказано о культурной полосе левого берега от Хазараспа до места против Кята (Истахри. 301 — 302).
132. Макдиси делит владения Саманидов по течению Джейхуна на стороны хорасанскую (левую) и хайтальскую (правую); см.: Макдиси. 260.
133. Там же. 288.
134. Там же. 286-287.
135. Там же. 288.
136. Там же. 289. Не сказано, который из двух Гитов имеется в виду.
137. Туркестан. Ч. II. С. 149.
138. Макдиси. 66.
139. Там же. 343 — 344.
140. Бартольд. Туркестан Ч. II. С. 152. [Позднее В.В.Бартольд отождествлял Халиджан с Сарыкамышской впадиной].
141. На такое же перемещение русла указывают слова Истахри, что река «от Курдера изменила свое течение и проходит между Гитам и Медминией».
142. Разъяснение. С.171.
143. Истахри. 299.
144. Ср.: Lerch. Khiva oder Kharezm. S. 34. Ибн Фадлан совершил путешествие из Гурганджа в страну болгар весной 922 г. в 70 дней; см.. Якут. Муджам, 1, 724; а также: Гаркави. Сказания, С. 86.
145. См. персидский текст: Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию. С, 95; русский перевод там же. С. 119.

146. Макдиси. 285 (ср.: de Goeje. *Das alte Bett des Oxus*. S. 13 — 15).
147. Ибн ал-Асир. Изд Торнберга. IX. 267.
148. Масуди. Танбих. 65. В более раннем труде того же автора «Промывальни золота» сказано, что длина озера — месяц пути и ширина приблизительно такая же, что по «реке Ферганы и Шаша» (Сырдарье) идут суда до этого озера и что у тюрок там город, носящий название «Нового города» (Масуди. Мурудж. I. 211 — 212).
149. Это обстоятельство еще более нас побуждает осторожно относиться к показаниям древних авторов, пока мы не имеем для той же эпохи более ясных и точных данных.
150. Истахри. 219 Ибн Хаукаль, 277.
151. Макдиси, 372 — 373,
152. Истахри. 226; Ибн Хаукаль. 286.
153. Макдиси. 372
154. Табари. II. 1323. Ср.: Marquart. *Eransahr*, S. 73.
155. Хамдллах Казвини. Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та N 150, л. 24а).
156. Там же, л. 254 б.
157. Макдиси. 358 — 359. [Позднее В.В. Бартольд установил, что рыбачий поселок назывался Дихистанан Сур].
158. На сохранившемся портале мечети имеется надпись строителя, султана Мухаммеда хорезмшаха (1200 — 1220), ср. об этом: Семенов, Надписи на портале.
159. Табари II. 1232.
160. Худуд ал-адам. Л. 56. Буквальный перевод текста: «В этом море находится другой остров, но один угол его, напротив Дихистана, соединен с материком; его называют Дихистанан-Сур.
161. *Geografie Edrisi trad...* Par A. Jaubert, T. I — II. Paris, 1836 — 1840. Оригинал Идриси появится в этом собрании [имеется в виду серия «Quellen und Forschungen zur Erdkund Kulturkunde», в которой был опубликован перевод данной работы В. В. Бартольда [в фотографическом воспроизведении с переводом проф. Зейбольда. [Издание текста так и не осуществлено до сих пор.]
162. Идриси. Пер. Жобера. II. 191, 338,
163. Там же. II. 189. Ср.: Ибн Хаукаль 351. [Дарджаш (?) у Ибн Хаукаля (351) — название города, бывшего столицей Хорезма до переноса ее в Кят, т.е., судя по ал-Бируни (Асар ал-бакиа / Пер. Захау. 35), до начала IV века н.э. Не соответствует ли это городищу Топрак-кала, в котором примерно до этого времени находилась резиденция хорезмшахов?]
164. Идриси / Пер. Жобера. II. 338 — 339.
165. Там же, II, 190. Здесь сказано, что река «вытекает из горы по соседству с пустыней и течет в небольшом расстоянии ниже Дергаша».
166. Глуховской. Пропуск вод Амударьи. С. 10.
167. Истахри. 302, прим. п.
168. Defremery. *Fragments*. P. 8 (текст), 14 (перевод). Ср.: Куник — Розен. *Известия ал-Бекри*. С. 42 (текст), 58(перевод).
169. См. мой труд: Туркестан, Ч. II. С. 37.
170. Там же. С. 179 — 181; а также статья: Каллаур. О следах древнего города "Дженд".
171. Бекран. Джахан-наме (рук. Нац. б-ки. Л. 191).
172. Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 153; Якут. Му'джам. I. 698.
173. Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 375; Текст: Ибн ал-Асир. Изд. Торнберга. XII. 122; Джузджани / Пер. Раверти. 474.
174. Якут. Му'джам. VI. 670.
175. СМИЗО. I. 32; Ибн ал-Асир. Изд. Торнберга. XII. 257.
176. Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 471; Текст: Джузджани / Пер. Раверти. С. 281, 1100; Абд ал-Керим Бухари (текст) 78; (Перевод), 177.
177. См.: Катанов. Хорезмийская свинцовая плита. С. 15 — 17 (там же воспроизведение свинцовой плиты).
178. Ибл ал-Асир. Изд. Торнберга. XII. 323; СМИЗО. I. 38.
179. Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 494 — по Рашид ад-дину. Изд. Березина. III. 104.
180. СМИЗО. I. 242; араб, текст, 221.
181. Ср. персидский текст — Залеман. Легенда про Хахим-Ата. С. 110 и 117; перевод (с. 124 и 125) не совсем точен. Отголоском событий 122 г. считает эту легенду и К.Г. Залеман (с. 206).
182. Плано Карпини. Изд. Языкова. Кн. 1. Гл. 6.
183. Rosen. *Les manuscrits persans*. P. 317.
184. Бартольд. Хафизии-Абру. С. 5 — 7.
185. Соответствующие глагол и отглагольное существительное (только по внешнему образованию

- сходное с формой 3-го лица ед. ч. наст. времени в северотурецких наречиях) имеют такое значение в османском наречии, как известно, принадлежащем к той же группе турецких диалектов, как язык туркмен. У Радлова (Словарь. II. 1639) упоминается только глагольный корень *qïrla* и существительное *qırlama*; однако существительное *qırladı* (или *qurladı*) имеется у Будагова, II, 149.
186. Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та № 171. Л. 263а).
187. Эти слова помещены около изображения Каспийского моря на карте Марино Сандудо (см. последнюю в изд. *Hommaire de Hell. Les steppes*).
188. Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та № 171. Л. 263а).
189. Бакуви. 509.
190. При установлении чтения названий я пользовался шестью рукописями (рук. ун-та № 171. Л. 243а, и пять рукописей Аз. муз.), из которых наиболее старые рукописи Аз. муз. 603 bbc [С 604] (л. 238а) и 603 bbb [С 603] (л. 207а). Вопросительный знак означает, что произношение названия для меня сомнительно.
191. Такое чтение дают обе старые рукописи, поэтому мы не решаемся заменить его чтением более новых рукописей: Хорезм-и Нау и Хульм-и Нау ("Новый Хорезм" и "Новый Хульм"). Замечательно, что и в астрономических таблицах Улугбека рядом с "Гурганджем, столицей Хорезма" назван "Новый Гургандж": *Sedillot. Prolegomenes. II. 267*.
192. Ср.: Бартаад. Туркестан. Ч. II. С. 154; где по недосмотру не приведены слова Истахри (283; Ибн Хаукаль, 33 П. по которым Ферара находилась в 4-х переходах от Неса. По всей вероятности, мы имеем одно и то же название у географов X века и у Хамдаллаха Казвини, но трудно сказать, следует ли в первом случае читать Фезава и Афзава вместо Ферара и Афрара или во втором случае — Вераве вместо Везаве. Ср. название одного из бухарских селений: Афрахша, Фарахша или Варахша (Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 118). Соответствующие тексты: Нершахи. Изд. Шефера, 15; Якут. Муджам. I, 323 и Ш, 869 по Сам'ани; ср.: Бартольд. Туркестан. Ч. I. С. 53. Местность около Кызыл-Арвата у туркмен по сей день носит название "Парава"; ср.: Самойлович. Из туркменской старины. С. 560. [Ферара находилась около современного кишлака Парау, в 18 км западнее Кмызыл-Арвата.]
193. Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона I, 255; II, 231.
194. Коншин. Разъяснение. С. 255; ср.: Обручев. Закаспийская низменность. С. 203.
195. Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та N 171. Л. 239а).
196. Единственный источник: d'Ohsson. *Histoire des Mongols. T. IV. P. 572*, из сочинения продолжателя Рашид ад Дина; ср. рук. Аз. муз. а 566 [D 66], л. 470 [Зайл джами 'аттаварих], где сказано, что Баба-Огул после своего поражения пришел в Мерв, и перечислены следующие разоренные им города: Замахшар, Гарбин (?), Хазар-Земин, Кят, Кермарун (?), Шавкан (или Савкан. См.: Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 148). Д'Оссон (*Histoire des Mongols. T. IV. P. 572*) и Хаммер-Пургшталь (*Geschichte der Ilchane. Bd II. S. 235*) опустили даже немногие приведенные там географические сведения.
197. СМАЗО. I. 148.
198. Это название собственно принадлежит Красному морю, но прилагалось, по свидетельству Хамдаллаха Казвини (Нузхат ал-кулуб, рук. ун-та № 171, л. 262), иногда и к Каспийскому.
199. Так собственно назывался Индийский океан; здесь это название прилагается к Черному морю. Рассказчик или передававший его слова забыл о Яике.
200. Очевидно, в тексте (как у Истахри, 304, откуда заимствовано это место) следует читать "на его берегу".
201. СМАЗО. I. 236 — 237; ср. 215 — 216 (текст).
202. Так по конъектуре издателя.
203. Дальше говорится о монетах, ценах, растениях и животных.
204. Дальше о рыбе в Джейхуне.
205. Из слов самого автора видно, что пять месяцев пути — длина не Мангышлака, а всего государства Джучидов от его южных пределов до северных (СМАЗО, I, 236; текст, 215).
206. Текст испорчен; по толкованию Катрмера (Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 289) — туркмены.
207. Издатель принял неверное чтение; и здесь автор буквально повторяет слова Истахри (299).
208. СМАЗО. I. 241 — 243; ср. текст, 219 — 221.
209. Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та № 171. Л. 263б).
210. Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 179.
211. Лерх. Археологическая поездка. С V — VI.
212. Yule. *Cathay. Vol. II. P. 397 — 404*. Ибн Баттута говорит в одном месте (II, 248), что в 1332 г. совершил паломничество в Мекку; по этому хронологическому определению можно заключить, что его пребывание при дворе Узбека и путешествие в Константинополь относятся к 1334 г., возвращение в Сарай — к зиме 1334/35 г., путешествие в Хорезм — к весне 1335 г. Такая хронология принята покойным бар. В. Тизенгаузеном (СМАЗО. I. 289, 302). С другой стороны, Ибн Баттута в другом месте

- (III, 93) относит свое прибытие к берегу Инда к 1 мухаррема 734/12 сентября 1333 г. Отмечая это хронологическое противоречие, французские издатели Ибн Баттуты отказываются разрешить его, но указывают на то, что старым императором, которого Ибн Баттута видел в Константинополе, мог быть только Андроник II Палеолог умерший в феврале 1332 г. (Иби Баттута. II. С. XII). К этому можно прибавить, что чагатайский хан Тармаширин, с которым Ибн Баттута виделся в Средней Азии, едва ли был в живых после 1334 г. (Yule. Cathay. Vol. I. P. 185, 188).
213. Так по переводу В. Тизенгаузена (СМИЗО. I. 308); в подлиннике "самый большой, значительный и красивый" (Иби Баттута. III. 3).
214. Французские издатели Ибн Баттуты предполагают здесь персидское слово шур (собств. "волнение", "спор", но также "конный базар"); ср.: Ибн Баттута. III, 3.
215. Дальше говорится о некоторых обычаях жителей.
216. Ибн Баттута. II 450 и сл. III. 1 и сл.; СМИЗО. I. 307 — 309 О шейхе ср.: Бартольд Туркестан. Ч. II. С. 403 — 404, 470 — по Рашид ад-Дину; ср. также (по тому же источнику): Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона. I. 112 и сл.; II. 119 и сл.
217. Дальше о прощании с эмиром и казием.
218. СМИЗО. I. 313 — 314; Ибн Баттута. III. 19 и сл.
219. Ибн Баттута. III. 21.
220. Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 494.
221. De Goeje. Das alte Bett des Oxus. S. 21.
222. Сепая, или — в современном таджикском произношении — сепоя, означает «треножник», «тренога», но никак не «три ступени». Сепоя — также технический термин, так называется специальное сооружение из связанных бревен, предохраняющее берег от размывания водами реки. (О сепоя в Хорезме см.: Гулямов. История орошения Хорезма. С. 245.) Возможно, что указанная местность получила название по таким сепоя, укреплявшим здесь берег Амударьи].
223. Истахри. 338; Барлюльд. Туркестан. Ч. II. С. 141. Из слов Истахри видно, что в Сепая к Амударье подходила также дорога в Хорезм из Мерва (Истахри. 284).
224. Heyd. Geschichte des Levantehandels. Bd II. S. 183 — 184
225. Yule. Cathay. Vol. II. P. 279 sq.
226. Ибн Батутта считает от Хаджи-Тархана до Сарая 3 дня пуги по льду «реки Итиля и соединенных с нею вод» (СМИЗО I. 306; Ибн Баттута. II. 446).
227. Ибн Баттута. II. 287 — 289; известно, что слово сом теперь употребляется тюркскими народностями в России в значении «рубль».
228. Мосхейм. Прилож. Ns XCII; Yule. Cathay. Vol. I. P. 231 — 234.
229. Марко Поло / Пер. Минаева. 31; изд. Потье, I, 44; изл. Юла — Кордые, I, 52.
230. Heyd. Geschichte des Levantehandels. Bd II. S. P2.
231. Помешены в кн.: Hommaire de Hell. Les steppes.
232. Buchon — Tastu. Atlas en langue catalane. P. 125 — 128 (карта при с. 118).
233. Reclus. Geographie. P. 404 — 405. Юл отмечает указанное на карте течение Амударьи как одну из ошибок карты (Yule. Cathay. Vol. I. Prelim. essay. P. CCXXVI), но в своих примечаниях к книге Марко Поло видит в многочисленности приведенных на карте географических названий вдоль берегов Каспия доказательство, что плавание по Каспийскому морю к этому времени сделалось для генуэзцев обычным явлением (Марка Поло. Изд. Юла. I, 61).
234. Heyd. Geschichte des Levantehandels. Bd II. S. 377.
235. По словам Низам ад-дина Шами (рук. Брит. муз., л. 476), пять лет; по словам Шереф ад-дина Йезди (I, 232), 5 — 6 лет.
236. СМИЗО. I. 243.
237. Помещена в ТЧРДМ. Т. IV [Чан чунь/ Пер. Кафарова]. Об этой карте ср.: Bretschneider. Researches. Vol. II. P. 3 (к этому же тому приложено воспроизведение карты).
238. Lerch. Khiva oder Kharezem. S. 21.
239. В сочинении Мусеви [Та' рих-и хайрат] (об этом историке см.: Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 55; проток назван «протоком кагана».
240. Шериф ад-дин Йезди. I. 235 — 243.
241. Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 149; Мақдиси. 343; de Goeje. Das alta Bett des Oxsus S. 110.
242. Шериф ад-дин Йезди. I. 244 — 245.
- 243 Там же, 252.
244. И здесь неправильно у Лерха (Khiva oder Kharezem. S. 39): "Bei Se-paje ging er uber denDscheihun".
245. Мы видели, что к Сепая приводила также дорога из Мерва.
246. Шериф ад-дин Йезди. I. 260 — 263.
247. Там же, 290 — 293.

248. Там же, 298 — 300
249. Так по Абд ар-Раззаку Самарканди (рук., л. 73б). Возможно, что постройка получила название по одному из зданий в окрестностях Ургенча. Еще при описании похода Шейбани на Ургенч (в начале XVI в.) в окрестностях Ургенча упоминается место Ак-Сарай, где остановился один из отрядов Шейбани, подошедший к Ургенчу по хивинской дороге (Мухаммед-Салих. Шейбани-наме. Изд. Вамбери. 392).
250. Абд ар-Раззак. Рук. Л. 87б.
251. Родословная тюрк. Изд. Демезона. II. 236.
252. Абд ар-Раззак. Рук. Л. 87б.
253. Здесь, вероятно, находился упомянутый выше «проток кагана».
254. Шереф ад-дин Йезди. I. 447 — 449. У Лерка (Khiva oder Kharezmi. S. 40) событие 1391 г. рассказано крайне неточно.
255. Статья «К вопросу о впадении Амударьи». Ср. текст: Захир ад-дин Мар'аши. 436.
256. De Goeje. Das alte Bett des Oxus. S. 48.
257. По-казахски.
258. Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 191а — 198а) и писавший с его слов Абд ар-Раззак Самарканди (рук., и. 194б — 195б).
259. Одинаковое чтение у Хафиз-и Абру (л. 192б) и у Абд ар-Раззака.
260. Эти сведения взяты из отчета русского посольства, опубликованного проф. Веселовским: ПДТС, II, 250. По всей вероятности, Шам и Сам — диалектические произношения одного и того же названия. Город мог находиться недалеко от озера (на Устюрте), которое и теперь носит название Сам.
261. Основным источником сведений об этих событиях является Абд ар-Раззак (рук., л.232б).
262. Бартольд. Хафиз-и-Абру. С. 7 — 8; там же персидский текст по рук. Публ. библ. Дорн 290. Ср. английский перевод Ролинсона: PRGS. Vol. XI. P. 116 [заседание 11. III. 1867 г.]; немецкий перевод: Roesler. Die Aralseefrage. S. 245 sq.
263. Глуховской. Пропуск вод Амударьи. С.199,205.
264. Бабур-наме Изд. Ильминского,2; изд. Беверидж, л. 2а.
265. Ср. оригинальное стихотворение об участии киргизского народа, найденное М.С.Андреевым в одной старой рукописи (Старая киргизская элегия): «Была в старое время у нас река; называлась она Кызыл-Дарья; ее началом был Сейхун (Сырдарья); перерезывала она Кызыл-кумы до Джейхуна (Амударьи). Была культура везде, когда была река, но и она высохла по повелению бога». В примечании это место приведено и в подлиннике.
266. Он родился, по словам его биографа, в 816/1413 г.
267. Абд ар-Раззак (рук., л. 240а).
268. Та'рих-и Абулхайр-хани (без пагинации).
269. Там же (рассказ о битве между Мустафой и Абулхайром).
270. В тексте неясное слово, вместо него в одной старой рукописи, виденной мною в Самарканде, стоит «мост».
271. Текст из Хабиб ас-сийар Хондемира (тегеран. изд., II, 244 — 246) опубликован мною в статье «К вопросу о впадении Амударьи». Более короткое, но независимое от Хондемира известие об этом событии мы находим у Исфизари, автора истории Герата (ср. об этом труде СIPh. Bd II. S. 339), в этом известии также упоминаются названия Адак и Агрыча (Исфизари. Рук., л 225б, 233а).
272. Абулгази. Родословная тюрк. Изд. Демезона. II. 235.
273. Early voyages. Vol. I. P. 69; de Goeje. Des alte Bett des Oxus. S. 30 [Соответствует городищу Дэв-кескен; Толстов. По следам. С. 53.].
274. Абулгази. Родословная тюрк. Изд. Демезона. П. 239.
275. Там же, 221, 224 — 225, 241.
276. Терсек упомянут у Абулгази (там же, 212) в качестве города, зависевшего от Везира, т.е. находившегося в северо-западной части Хорезма; более точного указания на его местоположение нет.
277. Рассказ Хондемира приведен, в тексте и русском переводе, В.В.Вельяминовым-Зерновым в его «Исследованиях о Касимовских царях». Ч. 2. С. 245 — 249 (перевод), 256 — 258 (текст).
278. По рукописи Аз.муз. 590 [Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме]. Л. 99а — 103а. Это сочинение послужило источником для автора «Шейбаниады» (Шейбани-наме), изданной проф. Березиным в тексте и русском переводе (Березин. Библиотека. Т. I). В Шейбаниаде, по крайней мере по печатному изданию, текст Нусрат-наме часто сильно искажен.
279. Текст (л. 99б).
280. Л. 101а.
281. Там же.

282. Позднее [т.е., после первого издания этой работы] из другою источника (из персидской героической поэмы Фатх-наме, написанной в честь Шейбани; единственная рукопись в Самарканде) мною было опубликовано подробное описание осады Адака (Отчет о командировке в Туркестан (1902 г). С. 184 и сл.). По этому рассказу Адак лежал на берегу бурного моря Кара-тенгиз (быть может, на Сарыкамыше). К сожалению, трудно решить, насколько автор придерживался в своей поэме фактической географической обстановки.
283. Географическое приложение входит в состав VII тома этого труда (ср. рук. ун-та № 292, л. 166, 196).
284. Pummer. Иран. С. 264 (из дополнений Ханыкова).
285. Историк, наиболее близкий к этим событиям по времени, Абд ар-Раззак Самарканди (писал в 875/1470 — 71 г) под 864/1460 г. говорит только о бегстве Хусейна из Астрабада в Хорезм, без сообщения каких-либо подробностей (Абд ар-Раззак. Рук., л. 322б); под 868/1464 г. — о набеге Хусейна на Хорасан и Кухистан и возвращении в Хорезм через Мерв (там же, л. 333а).
286. Elliot. The History of India. Vol. IV. P. 141 — 142; GIPh. Bd II. S. 356.
287. Das alte Bett des Oxus. S. 20
288. Некоторые выдержки еще раньше были напечатаны, также в немецком переводе, Дорном (Auszüge. S. 36 — 43). Дорн пользовался рукописью Брит. муз., де Гье — рукописью Лейденской библиотеки; третья рукопись находится в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде (по каталогу Эте [Sachau — Ethe. Catalogue). N 413). В петербургских библиотеках, насколько мне известно, нет экземпляра этого сочинения.
289. Примечание де Гье (Das alte Bett des Oxus. S. 23. Anm 1).
290. Де Гье (ibid., S. 24, Anm. 1) приводит примечание Дорна: "Die Angabe findet sich offers, ist aber nicht genau". Названия областей заимствованы у географов X в.; ср: Истахри. 219.
291. Та же цифра у Хамдаллаха Казвини (Нузхат ал-кулуб, рук. ун-та № 171. Л. 263а).
292. В переводе Дорна (Auszüge. S. 40) дальше говорится об «очень вероятном» существовании подземного соединения Арала с Каспием, оканчивающегося водоворотом; расстояние между обоими морями — 8 дней, а по другим — 60 фарсахов (?). Приводится еще рассказ ездившего вдаль берега всадника о внезапной буре, причем вода дошла по груди его лошади, и рассказ мореплавателей о семи волнах, следующих при сильном ветре одна за другой, после чего море успокаивается.
293. У Дорна: в ширину.
294. Неизвестно, из какого источника заимствовано (безусловно неверное) показание.
295. Это место буквально соответствует тексту Джахан-наме (ср.: Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 73. Прим. 9).
296. Цифры также взяты из Джахан-наме (ср.: [Бекран. Джахан-наме], рук. Нац. б-ки, л.191).
297. Явное искажение сведений географов X в. о канале Гавхорэ (« Коровья еда»; ср.: Истахри. 301; Ибн Хаукаль. 352); Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 143.
298. Такое же расстояние между тесниной и истоком канала Гавхорэ указано у Ибн Хаукаля (354); по Истахри (304) — только 3 фарсаха.
299. Начало и конец отрывка о Сырдарье буквально соответствуют тексту Джахан-наме (рук. Нац. б-ки. Л. 192). К сожалению, я в свое время не выписал полностью всего отрывка из этой рукописи, которой теперь у меня нет под руками; не могу поэтому определить, находится ли уже в источнике нашего автора допущенная им географическая ошибка (как известно, Ангрен впадает в Сырдарью ниже Ахсикета и Ходжента). (Эта ошибка содержится уже в тексте Джахан-наме (см.: Бекран. Джахан-наме. Изд. Борщевского, л. 116).]
300. И здесь автор пользуется Джахан-наме. Слова об «известности» страны также принадлежат не Джурджани, а Бекрану; ср. персидский текст в моем труде: Туркестан. Ч. I. С. 81. Буквальный перевод слов Бекрана: «Между Хорезмом и Хорасаном есть известная пустыня, и состояние ее знают вследствие многочисленности очевидцев».
301. De Goeoe. Das alte Bett des Oxus. S.27 — 28.
302. Джурджани, конечно, слышал рассказы некоторых лиц, ездивших по Каспийскому морю и вдоль его берегов, что не помешало ему иметь крайне неточное понятие о бассейне Каспия вообще. Таким же образом Мас'уди, несмотря на всю неточность сообщаемых им сведений, лично совершил плавание из Абескуна в Табаристан и собирал сведения от купцов (Мас'уди. Мурудж. I. 274). 303. Бакуви, 532.
304. Там же, 514.
305. Клавиho. Изд. Срезневского. С. 225. Ср.: Риттер. Иран. С. 621. Ханыков, как и де Гье (Das alte Bett des Oxus. S.22), использовал также английское издание этого описания путешествия.
306. Ибн Арабшах. Изд. Мангера. I, 382. Ср. СМИЗО. I, 464.
307. Ибн Арабшах. I, 376; СМИЗО. I, 461; Brokelmann. GAL Bd II.S.29.

308. До нас дошел подробный рассказ об этом завоевании, принадлежащий Мухаммед-Салиху, участнику похода, хорезмийцу по происхождению (Шейбани-наме. Изд. Вамбери, 388 — 444). Шейбани шел по дороге через Кят (С. 390), причем через реку переправился только один отряд, отправленный по «Хивинской дороге» (С. 392). В Хорезме правил, в качестве наместника султана Хусейна, Чин Суфи и защищал Ургенч 10 месяцев; особенно выдающееся участие в обороне города принимало туркменское племя адак, которое понесло наиболее тяжелые потери (С. 432). Город был взят в пятницу 21 раби' I 911/22 августа 1505 г. (С. 442).
309. Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона. П, 208 — 215. Кроме Абулгази о тех же событиях говорит несколько более ранний автор Хайдер Рази, по словам которого персидский наместник еще до прибытия узбеков был низложен Шерифом Суфи, очевидно представителем упомянутой кунгратской династии (Хайдер Рази Та'рих-и Хайдари, берл. рук., без пагинации).
310. Дата правильно установлена проф. Н.И.Веселовским (Очерк историко-географических сведений. С. 129)
311. Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона. П, 78.
312. Атеком (собств. «Этек» — «край») называется узкая культурная полоса к северу от гор Кюрен-Даг, Копет-Даг и пограничных гор Хорасана, теперь — преимущественно восточная ее часть с Абивердом. Развалины города Неса находятся примерно в 10 км западнее Апагабала, Дурун лежал между Кызыл-Арватом и Геок-Тепе. (О Неса (Ниса) см.: Массон М. Городища Нисы; о Дуруне см.: Литвинский — Мошкова. Изучение Така-Языра, Дуруна.)
313. Das alte Bett des Oxus. S.54.
314. Ibid. S.53
315. Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона. П, 220.
316. Там же, 221 — 228.
317. Хайдер Рази. Та'рих-и Хайдари, берл. рук., ср, об этой рукописи Pertsch. Verzeichniss, № 418 (S. 410 sq.).
318. Во главе посольства стоял, по Абулгази, сын Суфьяна Агыш-султан, который получил от шаха город Ходжент в Хорасане и мирно прожил здесь 30 лет, ни разу не покинув города для какого-нибудь похода (Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 228; I, 212). Между тем, по словам Хасана Таки, писавшего в 985/1 577 с, Агыш-султан, хорезмийский царевич, принимал участие в битве Убейдуллы бухарского с персами в начале 1536 г, притом на стороне узбеков (рук. Публ, б-ки Дорн 287, л. 59а; пагинация сделана неверно, с конца), а в 1539 г.— в битве Дин-Мухаммеда с бухарцами (там же, л. 51; ср, об этой битве Абулгази. Родословная Тюрков. Изд. Демезона. II, 243 — 244).
319. Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона. I, 207; II, 221 — 222. Перевод сделан нами вновь с подлинника ввиду некоторых неточностей в переводе Демезона.
320. Неизвестно, почему г-н Коншин (Разъяснение. С. 177) начинает рассказ Абулгази словами: «В 880 г. хиджры».
321. Неточность у Демезона.
322. В переводе Демезона: “Les deux rives... n'offraient qu'une suite de terres cultivees, de vignobles et de vergers”.
323. Как известно, такое племя (али-эли) существует и в настоящее время.
324. В этом случае употреблено два различных написания в арабской транскрипции.
325. Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 299.
326. Там же, 241. Между тем г-н Коншин помещает Пишгах «на берегу Каспийского моря» (Разъяснение. С. 178).
327. Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 222. Путем исследований на месте, вероятно, удалось бы точно определить местоположение Чутака.
328. Там же, 224 — 225. О племени тиведжи Абулгази в другом месте (II, 271) говорит, что оно состояло из 5 — 6 тыс. семейств.
329. Das alte Bett des Oxus. S.46.
330. Абулгази. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 338.
331. De Goeje. Das alta Bett des Oxus. S. 49 — 50
332. Ibid. S. 55.
333. Ibid. S. 47: “Dieser Widerspruch ist nicht zu heben”.
334. Родословная тюрков. Изд. Демезона. I, 214 — 217; II, 230 — 233.
335. В переводе Демезона (там же, II, 230); «endroit, ou il (le fleuve) forme un caude».
336. Абулгази. Родословная тюрков. II, 239.
337. Там же. I. 224; II. 241.
338. Новое доказательство, что местность около порогов на Узбое была занята этим племенем. По Хасану Таки, л. 51б (об этом историке, называвшемся также Хасан Румлу, см.: GIPh. Bd II. S. 587), в

- войске Дин-Мухаммеда были также туркмены племени али.
339. Абулгази. Родословная тюрок. I, 225; II, 241.
340. Там же. II. 253.
341. Early voyages. Vol. I.
342. Даты указываются крайне неясно и противоречиво; Дженкинсон говорит, что покинул Астрахань 6 августа (Early voyages. Vol. I. P 59), а несколько ниже (ibid. P 63), что он 2 августа покинул устье Яика.
343. Буквальный перевод (Early voyages. Vol. I. P. 64): «От этого мыса мы проследовали к гавани, называемой Mangoslaue. Место, где мы должны были достигнуть самой южной части Каспийского моря (т.е., самый южный пункт предполагавшегося плавания), находится в 12 лье внутри одного залива; но, так как мы были очень измучены и отброшены упомянутой бурей, мы были принуждены пристать к другой местности, на другой стороне залива, поперек упомянутого Mangoslaue, представлявшей очень низменную страну». Между тем дальше (p. 66) Mangoslaue (Мангышлак) называется именно та страна, куда буря помешала пристать кораблю.
344. Вероятно, Кочак, между полуостровами Бузачи и Мангышлак. Так полагают и издатели (Early voyages. Vol. I. P. 64). Де Гье (Das alta Bett des Oxus. S.32) принимает мнение Ленца, по которому высадка произошла на северном берегу залива Кара-кичу.
345. Das site Bett des Oxus. S 39.
346. Early voyages. Vol. I. P. 66. Рубль того времени представлял значительно большую ценность, чем нынешний.
347. Родословная тюрок. II, 254, 269 — 271.
348. Это число и приводимая дальше дата заставляют де Гье (Das alta Bett des Oxus. S.36) полагать, что дата 14 сентября относится ко дню отъезда из ставки Тимур-султана, а не ко дню оставления берега моря.
349. По мнению издателей, опечатка вместо «3-го», так как 4-го произошел отъезд. Де Гье считает первую дату (5-го) правильной, а вторую (4-го) ошибочной, ввиду указанного выше числа дней путешествия (двадцать). По мнению де Гье, путешественники 6-го покинули Айбугир и 7-го прибыли и Везир. Но мы увидим ниже, что предположение о тождестве «залива» с Айбугиром маловероятно.
350. Early voyages. Vol. I. P. 67 — 68.
351. ibid. P. 69 — 70.
352. У Лерха (Khiva oder Kharezm. S. 27) по ошибке: 14 и 16 декабря.
353. Абулгази. Родословная тюрок. II, 260.
354. Early voyages. Vol. I. P. 70 — 72.
355. Ibid. P. 74 — 75.
356. Ibid. P. 80 — 81.
357. Ibid. P. 94.
358. Das alte Bett des Oxus. S.32, 39 — 41.
359. Таково мнение издателей отчета Дженкинсона (Early voyages. Vol. I. P. 74). Замечательно, что такого взгляда держится г-н Коншин (Разъяснение. С. 177), утверждающий, однако, что Сарыкамыш никогда не был совершенно пресным, а только «полупресноводным» озером (Там же. С. 99).
360. Early voyages. Vol. I, против с. СХХ. Карта помещена также в издании: Nomaire de Hell. Les steppes. Ср. теперь также: Берг. Аральское море. С. 30. Карта составлена самим Дженкинсоном в 1562 г.
361. Возможно, что под двумя рукавами реки следует понимать Даудан и Кунядарью, что главным руслом считался Даудан и что Кунядарья упоминается у Хондемира под названием «протока Асафа».
362. De Goeje. Das alte Bett des Oxus. S. 81.
363. Абулгази. Родословная тюрок. I, 291, П, 312.
364. У де Гье (Des alta Bett des Oxus. S 29) ошибочно: 1605 г.; ошибка возникла вследствие того, что сам Абулгази неправильно отождествил год зайца (1603), в котором он родился, с 1014/1605-06 г. (Абулгази. Родословная порок. I, 291; П, 312). Там, где у Абулгази дата по циклу не совпадает с датой по хиджре, повсюду, как показывает сопоставление этих дат, правильным является циклический год.
365. De Goeje. Das site Bett des Oxus. S.79.
366. Таким же образом известное селение Хаваст в Голодной степи (где ныне узловая станция Черняево) в письменных источниках всегда носит название Хавас [ныне город Хавает, станция Урсатьевская].
367. Абулгази Родословная тюрок. I, 230 — 231; П, 247.

368. Там же.1. 280; П. 301. Там же сказано, что место Куйгун находилось «по сю сторону от Бакыргана»; дальше мы увидим, что, по русским источникам, «застава» Куйгу, или Куйгун, находилась в 20 верстах от Ургенча, на пути из России. По этим данным можно скорее предположить, что имеется в виду, вопреки мнению де Гье, один из западных каналов, направлявшихся к Айбугиру. Ср. также рассказ Абулгази о бегстве царевича Касим-султана ночью из Ургенча и о прибытии его на рассвете в болотистый лес «между Бурлу-кыры и Куйгуном» (там же, П, 250).
369. De Goeje. Das alte Bett des Oxus. S.57. По новейшим сведениям (1907 г), этот рукав в настоящее время совершенно пересох, ср.: *Берг*. Аральское море. С. 554.
370. De Goeje. Des site Ben des Oxus. S. 56.
371. Ibid. 78-80. По Лерху (Khiva oder Kharezm. S. 9), крепость Бенд находилась на левом берегу реки, в 30 верстах ниже города Кипчака.
372. De Goeje. Das alte Bett des Oxus. S.7 I.
373. Ibid. S 76.
374. Ibid. S 74.
375. *Бартольд*. Хафизии-Абру. С. 10. В лейденской рукописи (Сейфи) (Ог. 917), которой я пользовался, иет имени автора, но отрывки из того же сочинения (не относящиеся к Хорезму) приведены Шефером (во французском переводе) в приложении к его переводу сочинения Абд ал-Керима Бухари [6 (введ.), 292 и сл.]. Что местность вокруг Ургенча и Везира именно тогда запустела вследствие перемены течения, упоминает также Махмуд ибн Эмир Вели, автор Бахр ах-асрар. Отрывок об осаде Везира Абдулла-ханом в 1593 г (упоминаемой также: *Абулгази*. Родословная тюрок. П, 280) переведен мной в «Туркестанских ведомостях». Там говорится, что река в это время покинула свое прежнее русло и приняла «разрушительное направление» (самт-и касиф); хан приказал копать колодцы в старом русле, но и они вскоре высохли.
376. Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме, л. 1026; Шейбаии-наме. Изд. Березина. С. LXII (перевод), 70 (текст).
377. *Абулгази*. Родословная тюрок. II, 212.
378. De Goeje. Das alte Bett des Oxus. S. 65.
379. *Абулгази*. Родословная тюрок. П, 236 — 237.
380. Там же. 216.
381. *Веселовский*. Очерк историко-географических сведений. С. 146.
382. *Абулгази*. Родословная тюрок. II, 286.
383. Там же. 319.
384. Там же. 328.
385. Там же. 331.
386. Там же. 338.
387. De Goeje. Das alte Bett des Oxus. S. 29-30. Ср.: *Абулгази*. Родословная тюрок. II, 67.
388. *Ханыков*. Пояснительная записка. С. 307; *Веселовский*. Очерк историко-географических сведений. С. 151.
389. Термин «Юргенский хан» употребляется еще в грамотах начала XVIII в. (ср.: *Веселовский*. Очерк историко-географических сведений. С. 161). В связи с окончательным запустением северо-западной части ханства находится, по всей вероятности, возникновение городов Везира и Ургенча в южной части Хорезма. Время возникновения этих городов точно неизвестно, но во всяком случае они существовали еще в первой половине XVIII в. Гладышев и Муравин, бывшие в Хиве в 1741 г., называли первым городом ханства на пути из Оренбурга Гурлянь (Гурлен); дальше следовали города Везирь, Кент (Кят, на левом берегу), Шабас (Шахабад), Казабат (Газават), по ту сторону Хивы: Ханки, Ургенч, Адарус (Хазарасп?), Бетняк (Питняк) и Аксарай (*Ханыков*. Пояснительная записка. С. 276).
390. *Абулгази*. Родословная тюрок. II, 293-294.
391. Там же 298.
392. Там же 338, 343 и сл.
393. *Карамзин*. История. Т.VIII. Прим. 415.
394. ПДТС. I. 162.
395. ПДТС. П. 270
396. Тезиками (собств. таджик=перс) в русских сведениях этого времени называются купцы восточного происхождения.
397. ПДТС П 250.
398. Там же. 303.
399. Там же. 302.
400. Там же. 277.
401. Там же. 300.

402. Там же. 280.
403. Там же. 250-251.
404. Большой Чертеж. С. 72-73, 75-76. В примечаниях отмечены разночтения. Издатель пользовался двумя печатными изданиями (1773 и 1792 гг) и семью рукописями. [Ср. теперь новое издание: Книга Большому Чертежу. С. 94-95]
405. До усть.
406. 250.
407. Аргас, Азар, Арзан, Арзар.
408. Амедария.
409. Урок, Урак.
410. 250; осмнадцать.
411. Тех песков.
412. Аракум, Арашка.
413. Пропущено в двух рукописях.
414. Агус... В печатном тексте Урус, по неудачной поправке издателя (правильнее урус, как называется по-татарски бык). Как известно, слово *уғуз* значит и «проток», и «бык».
415. Юргенского, Юргевского.
416. Юргечь.
417. По Спасскому (Большой Чертеж. С. VII), эти версты «могли быть в 1000 и 700 сажен». Де Гье (Das site Bett des Oxus. S. 83) считает 50 старых верст равными 70 новым. Напротив, у А.М.Коншина (Разъяснение. С. 146) сказано, что «старая верста равна 4/5 теперешней. Теперешняя верста=500 сажен=1,06 хм [точнее 1,067 км].
418. Воды.
419. Зеравшан совсем не упоминается, и сказано, что «к Бухару граду, и во всю землю Бухарскую, из Сыра реки разведены воды по пашням» (Большой Чертеж. С. 75).
420. Early voyages. Vol. 1. P. 60.
421. De Goeje. Des site Bett des Oxus. S. 82-83: «Der Arsas (Argas) der Grossen Karte ist ebenso der Irtysch».
422. Большой Чертеж. С. 205.
423. De Goeje. Das alte Bett des Oxus. S.83.
424. Выводы В.В. Бартольда о нижнем течении Амударьи в исторический период не претерпели серьезных поправок, несмотря на многочисленные геологические и археологические исследования, проведенные за последние десятилетия. Однако эти исследования, не меняя существа выводов В.В.Бартольда, позволяют уточнить ряд положений и проиллюстрировать некоторые из них конкретным материалом. В этом отношении много дали исследования Сарыкамыша и Узбоя, проведенные Хорезмской экспедицией в 1950 — 1956гг., которым посвящен специальный выпуск «Материалов» этой экспедиции (Низовья Амударьи; там же указана литература).

Сейчас можно считать установленным, что в течение всего неолита через Узбой стекала вода из большого Сарыкамышского озера, куда впадала Амударья; на рубеже III и II тысячелетий до н.э. произошел прорыв вод Амударьи на север в Аральское море через Акчадарью. Поступление воды в Сарыкамыш сократилось, к середине I тысячелетия до н.э. Узбой окончательно пересох, а вскоре вода Амударьи перестала доходить и до Сарыкамыша (Низовья Амударьи. С. 23-25). Причиной этого в значительной мере было создание обширной ирригационной системы, изменившей водный режим дельты.

После разрушения ирригационной системы Хорезма, вызванного монгольским нашествием, часть воды Амударьи вновь стала течь к Сарыкамышу, уровень воды в нем поднялся до 50 м над уровнем моря, но недостаточно для того, чтобы образовался сток по Узбою. Затем уровень Сарыкамыша несколько понизился, но в конце XIV в., после разгрома Хорезма Тимуром, произошел новый прорыв Амударьи, в результате которого вода в Сарыкамыше достигла наивысшего за историческое время уровня — не менее 53-54 м над уровнем моря. «В моменты максимального подъема уровня Сарыкамышского озера вода могла переливаться в Узбой, но лишь в небольших количествах и ненадолго. Именно к этому времени (1393-1417) относятся наиболее важные свидетельства восточных авторов об обводнении Узбоя» (Низовья Амударьи. С. 29-31).

Сток значительной части вод Амударьи в Сарыкамыш подтверждается заметным понижением уровня Аральского моря, в котором в связи с посолонением началось осаждение гипса. В XV в. наблюдается понижение уровня Сарыкамыша, прерванное в начале XVI в. временным повышением. Окончательно поступление воды в Сарыкамыш прекратилось на

рубеже XVI-XVII вв. К этому времени относятся сообщения Абулгази о повороте Амударьи в Аральское море.

Таким образом, выводы В.В. Бартольда, основанные на изучении письменных источников, в самом главном выдержали проверку временем. Тщательные комплексные исследования русла Узбоя показали лишь, что сток по нему был более кратковременным, чем это предполагал В.В. Бартольд, — не с XIII по XV в., а самое большее несколько десятилетий в конце XIV — начале XV века. Кроме того, некоторому пересмотру и уточнению подверглась локализация караван-сараев на караванном пути по Узбою, но сведения, на которые он опирался, оказались достоверными и подтверждаются объективными данными.

Печатается по т.11 сочинений Л.Н.Гумилева

«Тысячелетие вокруг Каспия». М. Институт ДИ-ДИК, 1998г.
